

Алексей Павлович Будберг

Дневник белогвардейца

1917 год

7 Октября

Ездил в штаб армии на освидетельствование для того, чтобы получить право на причисление к Александровскому Комитету о раненых; последствия двух тяжелых контузий дают себя знать все сильнее и сильнее; надо подумывать о будущем, так как дальше служить уже невыносимо, и вопрос об обеспечении оставшейся жизни делается сейчас страшно серьезным. По дороге, как всегда, масса расхлястанных солдат. При освидетельствовании нашли волосную трещину черепа — воспоминание о той немецкой шестидюймовой бомбе, с которой пришлось познакомиться на позиции первой батареи около фольварка Леоново; признали право причисления к третьему классу о раненых, а временно даже ко второму. Сейчас все мои мечты сводятся к тому, чтобы попасть в члены военного Совета; думаю, что имею на это право и принесу туда очень солидный военный опыт и строевой, и

административный, и военного, и мирного времени.

Здесь на фронте я, как и множество нас начальников, совершенно бесполезен, и это-то больше всего меня терзает и расстраивает; работа всегда меня удовлетворяла только тогда, когда приходилось видеть, чувствовать или сознавать, что она приносила полезные результаты, а не была простым толчением воды в ступе; сейчас же все мы, несчастные уговаривающие разных рангов, продолжающие судорожную работу и пытающиеся что-то спасти и что-то предотвратить, напоминаем каких-то фанатиков, которые своими телами хотят остановить сорвавшуюся огромную колесницу, летящую с крутого откоса в глубокую пропасть; мы судорожно цепляемся за что-то, молим о каком-то чуде, но большинство понимает, что спасения уже нет; армия, у которой выбили ее душу дисциплину, давно уже перестала существовать; осталась одна видимость, полная уже внутри такого гноя и разложения, что только одно великое чудо могло бы нас спасти; ну, а чудеса встречаются только в преданиях, да в книжках, а в реальной действительности царят непреложные законы природы; раз нет средства для остановки начавшегося разложения, будь то физическое или нравственное, значит крышка и весь вопрос только в температуре и сырости, которые могут задержать или ускорить разложение; сейчас температура лезет

вверх не по дням, а по минутам, и трупные пятна расползаются все гуще и гуще.

В Двинске узнал от одного из офицеров оперативного отдела штаба армии о том, что штаб Главнокомандующего фронтом разрабатывает какой то проект о новом наступлении. Это при теперешнем то настроении наших товарищей, думающих только о безопасности своей шкуры и о том, как бы побольше сорвать с казны и при теперешней непролазной грязи, сделавшей почти невозможным дальнейший подвоз дневного продовольствия, и при современном состоянии лошадей, которые дохнут как мухи. Ведь со всем этим не справиться никакими завываниями советов и комитетов, никакими митингами и резолюциями.

Уже июньское наступление достаточно ярко показало, что по боевой части мы безнадежно больны и что никакие наступления для нас уже немислимы; немцы с искусством Мефистофеля использовали свое знание современной русской души и при помощи Ленинской компании вспрыснули нам яд, растворивший последние жалкие корочки, в которых еще наружно держалась русская армия; уничтожение дисциплины, проклятый принцип «постольку-поскольку» и пораженческая пропаганда обратила нас в опасные для всякого порядка вооруженные толпы, которые пойдут за тем, кто посулить им побольше вкусного

и давно уже вождедеемого, побольше прав и наслаждений при минимуме обязанностей, работы и неприятностей. Тот же, кто только заикнется о бое, с коим связаны такие жупелы, как усиленные работы и возможность страданий, ран и смерти, будет самым ненавистным врагом. Ну а с врагами, несмотря на их положение, уже перестали считаться. Сейчас брошенный на фронт лозунг «долой войну» привлек к себе сердца и симпатии всех шкурятников (а их, с приходом последних укомплектований, у нас стало больше 80 %) и сорвал последние удерживающие крепи с тех, у которых шкурятнические побуждения сдерживались когда то дисциплиной, боязнью суда и расстрела, а отчасти старой рутиной повиновения и обрывками втолканного когда-то сознания обязанности защищать родину. Немцы, видимо хорошо знали, какими подпорками внутри держится грандиозное снаружи здание русской военной мощи; они знали, насколько уже подгнили эти подпорки, и какой смертельный удар был нанесен им всеми этими господами Гучковыми и Керенскими, с великой развязностью и самомнением проделавшими над русской армией свои дилетантские эксперименты; немцы нашли злое средство повалить все это окончательно и сделать это русскими же руками под руководством подготовленных quasi русских инструкторов; для

этого против нас и было пущено то средство, которое оказалось губительнее всяких цианистых ядовитых газов — пораженческая пропаганда и большевизм.

Я плохо знаю теперешнее состояние Германии, но мне кажется, что немцы должны были быть очень уверены в патриотизме и разуме своего народа и в его иммунитете от выбрасываемой на нашу гибель заразы, когда решались на такое исключительное средство, видимо последнее, что у них оставалось, чтобы вывести из строя своего наиболее опасного по естественным ресурсам врага. Еще в 1905 году юмористический журнал князя Волконского «Плювиум» доказывал, что наиболее распространенной в России партией являлись С. С. (сукины сыны) с девизом «поменьше работы, побольше денег». Теперь этот девиз пущен в самое широкое обращение и перевернул все вверх тормашками, ибо, неперевариваемый и в мирное время, он во время войны, да еще такой, как настоящая, хуже самой смерти. Он нас быстро и бесповоротно слопал, ибо не было у нас против него противоядия: здорового, сердцем и головой рожденного патриотизма, разума и просвещения народных масс и дельных и прозорливых политических вождей; не было и необходимых при такой заразе дезинфекционных и асептических средств: силы и железа власти.

Июньско-июльские опыты главковерха из адвокатов помогли немцам не менее чем Ленин со «товарищи»; шкурников силой погнали на бойню и реально показали всю колючую сторону войны и все ее ужасы; шкурники воочию увидали, что может случиться с их шкурой, если слушаться самого даже наидемократичнейшего и сладкоглаголивого начальства; они поняли, что при таких наступательных неприятностях можно и шкуру продырявить и не получить своей доли в сладких приобретениях российской революции каковых они с большим нетерпением и не меньшей жадностью ожидали.

Товарищ Керенский вообразил, что армии можно поднять на подвиг истерическими визгами и навинчиванием толпы пустопорожними резолюциями; он так привык к словесным победам над слабыми головами русских судей, над настроением публики больших политических процессов путем многоглаголения и сбивания всмятку мозгов у слушающих, что считал, что эти методы применимы и при воздействии на те вооруженные толпы-массы, который именовались армией. Штатский Главковерх, вероятно, искренно и убежденно думал, что обладает такой силой глагола, которая способна произвести тот же, как и на митингах и словопрениях, эффект в применении к тому Великому Ужасу, который именуется

войной, да еще и в современном ее воплощении с ее невероятно грандиозными и цепенящими даже и не робкие души средствами истребления и великого душевного потрясения. Я до сих пор помню тех сошедших с ума солдат-немцев, которых мы взяли в плен после 48 часового обстрела немецких окопов; а, ведь, у нас был только 6-дюймовый калибр. Я помню присланные нам выписки из дневника убитого при обратном взятии Вердена немецкого капитана, отметившего, что расположение его соседа уже седьмой день обстреливается непрерывающимся ни на минуту огнем 28-сантиметровых орудий, и что почти все защитники этого участка сошли с ума.

Быть может, в окопах мы еще как-нибудь отсидимся, но мечтать сейчас о наступлении могут только совершенно безумные люди. Четыре месяца тому назад моя 70 дивизия была еще способна на порыв и на наступление, а теперь нельзя об этом и заикнуться; о таких же отбросах, как 120 и 121 дивизии, и говорить нечего. Малейший разговор даже о подготовке к каким-нибудь наступательным действиям сразу швырнет войска в руки тех, которые им говорят, что продолжение войны нужно начальству, чтобы получать побольше денег и побольше наград, и сделает нас для наших солдат врагом бесконечно более опасным и ненавистным, чем сидящие в окопах немцы; последние очень

умело бубнят в ежедневно нам бросаемых «Товарищах» и «Русских Вестниках», что они друзья русского народа и совершенно не хотят с ним воевать; если же нет мира, то вся задержка только в русском начальстве и в русских офицерах.

Неужели же Псков не знает и не понимает всего этого, особенно после уже бывшего печального опыта июньского наступления, которое самым кричащим образом доказало, что даже тогда, при несравненно более разумном настроении частей фронта, они оказались неспособными даже на небольшой порыв, необходимый для того, чтобы наступлением пехоты закрепить результаты, добытые двухдневной и очень продуктивной работой огромной артиллерии, в небывалых еще здесь на фронте размерах. И это было четыре месяца тому назад, состояние частей было бесконечно лучше, стояла чудная летняя погода, дороги были в отличном состоянии, в порядке были и лошади. Теперь три недели сплошных дождей обратили дороги Двинского района в непролазные топи (сегодня по дороге в Двинск, на главной магистрали я видел несколько парных экипажей, затонувших в грязи и так и брошенных; выпряженные лошади отдыхали на ближайших пригорках). Весь конский состав от тяжелой работы и плохого подвоза фуража, а также от «революционной» халатности товарищей доведен

до отчаянного состояния; обозные и парковые смотрят только за теми лошадьми, которых они решили взять с собой при ожидаемом ими конце войны домой (это они считают своим законным не подлежащим никакому оспариванию правом).

Все эти условия относят все мечты о наступлении в разряд совершенно несбыточных и в то же время очень опасных утопий, в которых нам очень легко «утонуть». Но наши Ставки и Главкоштабы живут на луне, в полном забвении действительности, с местом и временем не считаются, войск, их состояния и условий их жизни и службы совершенно не знают; очевидно, что при такой обстановке возможны идиотизмы и нелепости всякого сорта или калибра.

Какие либо возражения или убеждения тут бессильны; в этом отношении революция ничего не изменила и Главкоштабы по прежнему гордо восседают на старых тронах, окруженные атмосферой беспрекословного послушания и воспрещения «сметь свое суждение иметь». Мы обязаны по рабски все принимать; нам только приказывают и приказывают к исполнению то, что сами приказывающие осуществить не в состоянии, причем они не могут не знать, что войска этих распоряжений все равно не выполнять и что ни комитеты, ни начальники не располагают уже теперь средствами для того, чтобы заставить

неповинующаяся части выполнить отдаваемый им приказание. И ведь чем дальше, тем хуже, ибо по той дорожке, по которой мы катимся вниз, уже нет возврата.

Получается идиотская, невыразимо мрачная и бесконечно опасная нелепица продолжаем думать или притворяться, что представляем из себя еще что-то в то время, когда мы уже ничто и бесповоротно ничто, или во всяком случае очень близко к этому пределу. Уже поздно; поздно и позорно становится теперь в грозные позы и греметь громами, более смешными и бутафорскими, чем грома Калхаса; никто уже не верит в поверженных и развенчанных богов и в их силу, никто уже не боится их громов; а если и продолжают иногда еще слушаться, то это «последние тучки рассеянной бури». Все же хочется думать, а временами даже и варится, что несмотря на всю мрачность нашего положения, не все еще окончательно потеряно, и что приняв немедленно самые исключительные и не останавливающаяся ни перед какими экстравагантностями меры, можно было бы продолжать вести оборонительную войну эти меры — отказ от наступления, переход на добровольную службу за большое вознаграждение, а главное прекращение той подозрительности, с которой относятся к нам строевым начальникам

правительство и разные комитеты, особенно после Корниловской истории. Все мы, сидящие на самом фронте, у самого солдата, бесконечно далеки от тех заоблачных фантазий, от которых пухла голова ставочных восстановителей, и в этом отношении нас бояться нечего, а нам надо поверить и нам помочь; как бы ни далеки были мы от согласия с тем, что установилось сейчас на Руси, но мы думаем только о фронте, о возможности продолжать войну и победить врага; потом мы уйдем или будем, может быть, бороться против того, чего не сможем признать, но сейчас для данного порядка вещей нет никого более ему лояльного, чем огромное количество строевого командного состава.

Бояться нас глупо; подозревать в желании взорвать существующий порядок нелепо; ведь это так ярко доказано нами и в марте, и в августе, когда чувство ответственности за фронт властно заглушило в нас все остальное.

Но для спасения вверху нужны иные лица, иные решения, иные методы, а им, видимо, уже не бывать. В тылу опустошительным пожаром разливается пораженческая волна; немецкий яд проникает все глубже. Все чаще и чаще случаи решительного отказа частей идти на смену стоящих в окопах; отказаться в открытую еще зазрят последние, еще не рассосавшиеся остатки старой

совести, и поэтому выдумывают самые пестрые, подчас, невероятно нелепые причины своего отказа; члены армейского комитета носятся как угорелые, уговаривая, усовещивая, убеждая и иногда даже грозя, и с великими усилиями вытаскивают упирающихся на фронт. За полдня, что я провел сегодня в Двинске в штабе армии и в армейском комитете было получено три донесения об отказе частей идти на смену, причем в 19 корпусе один из полков 38 дивизии заявил, что он вообще больше в окопы не пойдет.

Во всех резервах идет сейчас бесконечное митингование с выносом резолюций, требующих «мира во что бы то ни стало»; старые разумные комитеты уже развалились; и вожаками частей и комитетов сделались ораторы из последние прибывших маршевых рот, отборные экземпляры шкурников, умело замазывающие разными выкриками и революционной макулатурой истинный основания своей нехитрой идеологии: во что бы то ни стало спасти от гибели и неприятностей свою шкуру и, пользуясь благоприятной обстановкой, получить максимум плюсов и минимум минусов.

Все, мы начальники — бессильные и жалкие манекены, шестеренки разрушение машины, продолжающие еще вертеться, но уже неспособные повернуть своими зубцами когда то послушные нам

валы и валики, Ужас отдачи приказа без уверенности, часто и без малейшей надежды на его исполнение, кошмаром повис над русской армией и ее страстотерпцами начальниками и зловещей тучей закрыл последние просветы голубого неба надежды. Штатские господа, быть может и очень искренние, взявшие в свои руки судьбы России и ее армий, неумолимо гонят нас к роковому концу.

Что могу сделать я, номинальный начальник, всеми подозреваемый, связанный по рукам разными революционными и якобы демократическими лозунгами и нелепостями, рожденными петроградскими шкурниками так называемых медовых дней революции; никому нет дела до того, что все эти явные или замаскированные пораженческие и антимилитаристические лозунги недопустимы во время такой страшной войны; но их бросили массам и они стали им дороги, и в них массы увидели свое счастье, избавление от многих великих и страшных зол, и удовлетворение многих вожеланий, — жадных, давно лелеянных, всегда далеких и недоступных, и вдруг сразу сделавшихся и близкими, и доступными. Горе тому, кто покусится или даже будет только заподозрен в покушении на целость и сохранность всех животных благ, принесенных этими лозунгами и сопровождавшим их общим развалом. И все эти лозунги и патентованные непогрешимости

направлены против войны, против дисциплины, против обязанностей и всякого принуждения. Как же начальники могут существовать при такой обстановке, те самые начальники, от которых смысл их бытия требует как раз обратного, то есть напряженного ведения войны, поддержания строгой дисциплины, надзора за добросовестным исполнением всех обязанностей и применения самых суровых и доходящих до смертной казни принуждений. Я уже не раз говорил об этом председателю нашего армискома, но он уверяет, что все пройдет, и что вскоре должен появиться в армии новый здоровый революционный дух и новая революционная дисциплина. Это у наших-то товарищей!

Верхи требуют от нас решительных мер и поднятия дисциплины, а рядом терроризированные вооруженными толпами суды оправдывают вдохновителя и руководителя бунта, Лейб Гренадера Штабс-Капитана Дзевалтовского и его товарищей героев Тарнопольского погрома и Тарнопольского позора.

В тылу начался грабеж уходящими с фронта дезертирами товарных поездов с продовольствием, идущим в армии; получено распоряжение армискома отправить в тыл вооруженные конвои для сопровождения наших поездов; дезертирство разливается повсюду; только у меня еще держатся

18 и 70 дивизии. в которых, если и есть дезертиры, то только из недавно пришедших пополнений самого гнусного состава, и без того растерявших в пути от 50 до 90 %.

Расстройство подвоя грозить самыми неприятными последствиями, так как теперь не 1915 год и «товарищи» не примирятся с теми недостатками в довольствии, которые так молчаливо и терпеливо переносили «солдаты». Мрачно, тяжело и безнадежно; продолжаю наружно бодриться, бурно работаю и тащу за собой других, глубоко запрятывая от подчиненных то, что сидит в голове и грызет сердце, так как не имею права никого заражать своим пессимизмом.

Кошмарно работать, не веря уже в успех, и не имея надежд на будущее; сколько работы, энергии и нервов я вложил в подготовку и исполнение июньского наступления, а чем все это кончилось и все успехи 70 дивизии были уничтожены трусостью и развалом соседей.

Ничего не понимаю в поведении союзников; говорил по этому поводу в штабе армии, но и там ничего не знают. Неужели же союзников не тревожит то, что с нами происходит; не знать они не могут, ибо весь фронт набит тысячами их представителей, долженствующих видеть и понимать, что делается сейчас с русской армией и чем все это может для них кончиться. Неужели они

не видят, на какие подводные камни несется русский корабль под руководством присланных из Германии лоцманов и их вольных и невольных, явных и тайных помощников, сотрудников и приспешников.

Ведь союзники должны понимать, что то, что у нас происходит, постепенно выводит нас из игры и снимает нас с боевых счетов; должны же они наконец понимать, что Россия гниет, а историческое и социальное гниение также опасно и заразительно, как и всякий гнойный процесс. Сейчас нам нужны во что бы то ни стало иностранные ледники для понижения температуры и остановки гнилостного процесса.

Несколько хороших дивизий, во время нам присланных, явились бы теми крепями, которые остановили бы происходящее крушение русской военной храмины, особенно, если это были бы американские войска, по сущности своей безопасные от каких либо реакционных подозрений. Они дали бы устойчивость фронту и явились бы нравственной, а когда понадобилось бы, то и материальной поддержкой того правительства и той военной власти, которые, не будучи одурманенными туманами революционной белиберды, понимали, что демократия, реформы и отказ от старой скверны это одно, а общий развал, гной и самые грозные перспективы для всего

будущего России это нечто совсем иное, порядка уже анархично-разбойничьего, а никак не революционного.

Комитеты болтают и резолируют; лучшие из них пытаются что то делать. Российское пустобрехство расцвело во всю; один из полковых комитетов вынес резолюцию не ходить на занятия, так как от этого портится обувь; в другом тоже потребовали отмены занятий, но уже по другой причине, ссылаясь на то, чтобы воины не уставали и сохраняли всегда свежие силы на случай внезапного нападения неприятеля; дивизионные комитеты не осмелились сами отменить эти постановления и передали их в корпусный комитет; последний их отменил, но ведь никто с его решением не станет считаться, предпочитая занятиям игру в бб.

Разложение распространилось и на державшуюся так долго в полном порядке 70 дивизию, которую подсек перевод ее за Двинск; она впервые попросила пока отсрочить заступление ее в окопы на смену 18 дивизии, измыслив в качестве предлога необходимость переизбрать все комитеты. Красная черта всех постановлений это отмена каких либо обязанностей, при соответственном оправдательном или объяснительном соусе только что указанных рецептов.

Все более и более углубляюсь в своем

убеждение, родившееся у меня впервые в мае, что единственная лазейка из создавшейся разрухи это немедленный, как говорят — в пожарном порядке, переход к добровольческой армии и разрешение всем нежелающим воевать вернуться домой. Все не уйдут, а если бы ушли, то это было бы ярким показателем того, что дальнейшее продолжение войны невозможно. А то, что уйдут не все, показал опрос произведенный недавно дивизионными комитетами 18 и 70 дивизий, причем готовность остаться заявили в первой около 1000 ч., а во второй около 1400; в 120 и 121 дивизиях не опрашивали, ибо там наверно все захотят домой, и я был бы счастлив, если бы судьба меня избавила от этих навозных куч, составленных из собранных отовсюду отбросов, обильно залитых самым большевистским жидким удобрением; 120 дивизия уже и так выделила в батальон смерти все, что в ней было порядочного, и этот батальон несет всякую службу в десять раз эффективнее всей дивизии.

Лучше иметь 4000 отборных людей, чем 40 тысяч отборной шкурятины; нужно только установить, чтобы оставшиеся на фронте получали двойное натуральное довольствие плюс все причитающееся на полный штатный состав части денежное; я говорил по этому поводу с двумя командармами и двумя главкосевами, писал в главное управление генерального штаба, но всюду

мое предложение сочли чересчур экстравагантным, последнее время эта мысль получила широкое между строевыми начальницами распространение, но, как говорят, против нее стоят все комитеты и все петроградские Цики; считается, что останутся только самые реакционные элементы, которые и повернут все направо кругом.

У Ревеля совсем плохо; по-видимому, архипелаг островов потерян; из сообщаемых оттуда сведений не известна судьба наших судов.

8 Октября

Ночью получил чрезвычайно неприятное донесение начальника 70 дивизии, что 277 Переяславский полк отказался идти из резерва на смену частей 18 дивизии; таким образом завершился весь цикл разложения корпуса и перестала существовать, как настоящая боевая единица, еще одна часть несчастной русской армии; очевидно, порядок в дивизии доживал свои последние остатки, и стояние в резерве за Двинском и вся гнилая атмосфера Двинского района ее доконали. Как ни умолял штаб не трогать дивизию, Двинск настоял на своем, и вот каковы результаты; если бы мне разрешили сделать по моему, то есть поставить все три дивизии в линию и установить такой порядок смены, чтобы по одному

полку от дивизии стояло в окопах, а остальные в резервах разной очереди, то я уверен, что дивизии не только бы не разложились, а получилась бы даже возможность попробовать начать их втягивать понемногу в службу и порядок, и тогда все зависело бы только от того, не развалятся ли соседи и не вспыхнет ли сразу весь тыл. С таким порядком смены согласились даже большевистские комитеты 120 дивизии, но все пошло насмарку благодаря упрямству штаба армии, или вернее, начальника штаба генерала Свечина, измыслившего какую-то невероятно сложную операцию-маневр, на случай наступления немцев севернее Двинска и вытащившего туда части моего корпуса в армейский резерв.

В вынесенной Переяславским полком резолюции причиной отказа идти на смену частей, стоящих уже месяц в окопах, выставляются отсутствие полных комплектов теплой одежды и требование немедленно заключить мир. Очень характерна смесь этих требований: первое пущено для увлечения инертных масс, и как упрек незаботливому начальству, а второе сейчас является разливающимся по всему фронту лозунгом.

И в такое время главкоштабные младенцы мечтают о каких то наступлениях и стратегических маневрах «с внутренними осями захождения» и «вливанием кавалерийских масс в произведенные

прорывы фронта». Прочитали бы лучше помещаемый ежедневно в «Русском Слове» отдел телеграфных сообщений со всех концов России, очень красочно передающих, что там делается. Картина потрясающая, но заставляет ли она «бдеть наших консулов?» Имеется там же донесение комиссара с южного фронта о том, что какой то корпус прошел через Сорокский уезд и оставил за собою пустыню: все разграблено, все жилое сожжено, женщины изнасилованы; по данным армейского комитета эти сведения составляют только часть донесения комиссара об отводе в резерв 2 гвардейского корпуса, проделавшего такую операцию не в одном, а в одиннадцати уездах, где на несчастье всюду были местные запасы вина.

Неужели же нам суждено дойти до средневекового: *Morte nihil melius, vita nihil pejusi* Вот когда показались спелые плоды «бескровной» русской революции.

Газеты принесли нам манифесты Стокгольмского сборища и наших советов по части окончания войны; какое надругание над Россией! все заботы сводятся главным образом к тому, чтобы не пострадали интересы Германии. Монархические Метернихи, Нессельроды и Ко. через сто лет обрели достойных, хотя и революционных преемников по части утопления русских интересов; это у нас

должно быть в крови с тех пор, как после Петра нас немецкая нянька по темячку ушибла. Давно Россия не читала таких откровенных и циничных документов; авторам стесняться нечего, так как по части этических задержек они химически чисты, что при надлежащей оплате золотым эквивалентом их старательности снимает с них всякую удержку. Кухари германского происхождения или германской подготовки работают умело, поднося все гибельное и смертельное для России под искусно приготовленными соусами мира, покоя и освобождения от неприятных тягот и обязанностей.

Железные дороги фронта опять затрещали под напором масс отпускных и вовсе уволенных от службы, стихийно стремящихся домой; в перегруженных до отказа вагонах ломаются рессоры, проваливаются полы; происходит масса несчастий, но на такие пустяки перестали обращать внимание. Никакая власть уже не в силах остановить этот двигающийся на восток ураган. А еще недавно это было возможно, но надо было сразу же, ни перед чем не останавливаясь, установить железный порядок на станциях главных посадок, наказывая всех неповинующихся отставлением от посадок и поощряя всячески спокойных и слушающихся; затем надо хоть теперь осуществить тот проект, который я, начиная с 16 года, несколько раз предлагал Главному

Управлению Генеральная Штаба и который состоял в том, чтобы двигать отпускных солдат особыми маршрутными поездами, снабженными обязательно вагонами кухнями, кормящими солдат только своего эшелона; от такого поезда не отстал бы ни один солдат; солдаты бы не разносили станции и станционные поселки в поисках продовольствия; главное же — правильность движения дала бы массам полную уверенность в том, что дело налажено, что до каждого дойдет очередь и что ехать этим предлагаемым и организованным начальством способом удобнее и скорее. Потеряв право надеяться на силу приказа, приходилось измышлять новые способы, чтобы хоть чем-нибудь сдерживать массы. Главное Управление признало идею моего проекта правильной, но проект совершенно неосуществимым вследствие технической трудности. Проклятая, убивающая нас лень и нежелание шевелить мозгами и беспокоиться больше, чем то нужно для отбывания расписания и очередных номерков! Я самым неприличным образом выругался, получив такой подлый ответ, рекомендовал обратиться за помощью к союзам Городов и Земств, но без результата; равнодушие не позволило понять всю огромность психологического значения сохранить на железных дорогах порядок и заставить страну и солдат почувствовать, что и над ними есть власть,

способная «заставить» ехать в порядке и не своевольничать. Тут то и была такая обстановка, при которой все это исполнялось бы довольно легко, ибо едущие не были сорганизованы, невооружены, а главное большинство состояло из готовых слушаться всякого, кто обеспечит им скорый отъезд, беспрепятственный проезд и кормежку в пути.

Все очень трудно, когда не хочется вообще ничего делать. Побеспокоиться во время не захотели; подобрать вожжей в то время, когда надо, не сумели, а теперь ахают, что железные дороги являются ареной неопишуемых безобразий, заставляющих служащих убегать со станций при приближении воинских поездов.

9 Октября

Сумбурный и тяжелый день; усталый, как выжатый лимон, я свалился поздно ночью на свою походную кровать, и целые полчаса Петр возился со мной, отхаживая меня от сильного сердечного припадка. Весь день провел в уговорах полков 70 дивизии, которые присоединились к резолюции Переяславцев и отказались идти на смену 18 дивизии; эмиссары Переяславцев два дня ездили по полкам, митинговали и сманили на свою сторону всю дивизию; всем показалось, конечно, очень

заманчивым отбрыкаться от возвращения, — да еще в такую отчаянно скверную погоду, — в неприятные окопы и расстаться с привольной, без работ и занятий стоянкой по деревьям, с вечной днем и ночью игрой в карты, с хороводами и гулянками и прочими наслаждениями.

Промотался на автомобиле целый день; начал с 280 Сурского полка, который за последнее время был в относительном порядке и очень умело управлялся молодым командующим Полковником Мисюревичем при очень благожелательном содействии разумного и дельного полкового комитета, помогавшего командиру, где это было надо, и не мешавшегося, куда не следует. Застал собрание всех комитетов полка, выругал их основательно за присоединение к общему выступлению и пристыдил, что такие выкидки равносильны измене. Отвечая на заданные вопросы, обстоятельно объяснил, почему сейчас не может быть мира, и что мы все должны делать для того, чтоб он был поскорее и такой прочности, чтобы нашим детям и внукам уже не пришлось бы больше воевать. Пригрозил, что если будут упираться, то придется употребить силу — теперь жалею, что это сорвалось, так как такие бессильные и немогущие быть приведенными в исполнение угрозы совершенно бесцельны, да и всегда кроме того считал, что пугание угрозой наказания недостойно

власти. Застал уже комитеты нового выбора и нового состава; впечатление скверное: старые разумные солдаты забаллотированы и их сменили мрачные серые субъекты из последних тыловых пополнений, демагоги из большевистских вожаков в запасных полках с злобными сверлящими глазами и волчьими мордами. От таких «товарищей» можно ждать чего угодно; двинские большевистские заправила умело добились смены старых комитетов, которые в этой дивизии являлись для них камнем преткновения в разрушительной деятельности. Я уверен, что при старых комитетах дивизия никогда бы не закинулась даже при условиях стоянки в резерве за Двинском.

Сейчас же все внутреннее, интимное и реальное руководство массами в руках тех, которые, как черт ладана, боятся окопов, стрельбы и прочих жупелов, тылом рожденных: мин и ядовитых газов. Два комитетчика злобно, на самых визжащих тонах выкрикивали, что они уже три года погибают и мучаются в окопах, а когда я спросил сначала их, а после их заминки, их соседей, как давно эти ораторы в полку, то оказалось, всего третья неделя. Но во всяком случае мне удалось добиться пересмотра решения и перед отъездом из штаба полка меня заверили, что полк после обеда выступит. Затем проехал в 277 полк; там тоже собрание всех комитетов, состав их новый, такой

же злобный и ожесточенный, владеющей массами, которые, хвативши вольного и ленивого стояния в резерве, совершенно не желают месить снова придвинские грязи, лезть в запущенные окопы, работать, нести охранение, ходить в секреты и рисковать своей жизнью, когда впереди столько сладких перспектив.

Какой же я начальник при таких условиях? приказать и заставить я уже не могу; я должен убеждать и уговаривать, чтобы на время замазать то, что лезет из всех щелей; и для чего все это? ведь успех уговора так же непрочен, как и все остальное. Я базируюсь на долге, требую напряжения и подвига, тащу туда, где раны и смерть, а мои противники сулят блага и наслаждения, спасают от смерти и разрешают от всех неприятных обязанностей.

Говорил до сердцебиения, убеждал, рассказывал и разъяснял; чувствовал, что, по-видимому, победил данное сборище, но сознавал, что впечатление от моих слов рассеется сейчас же, как люди вернутся в свои роты и начнут рассуждать, слушаться ли командира корпуса и идти в окопы или упереться на своем и продолжать сидеть в деревнях и веселиться.

Жалобы раздавались самые слезливые: и устали мы, и рядов в ротах мало, и босые все, и от голода пухнем; одним словом, обычные завывания

русского попрошайки, когда он хочет выпросить побольше. Я по пунктам разбивал все жалобы; заставил сознаваться, что ни босых, ни голодных нет, да и быть не может; цифрами доказал, что на фронте 10 корпусов нет таких так обильно во всем обеспеченных частей, как полки 70 дивизии; большинство возражавших смолкало и исчезало в толпе; старики стали зыкать на клянчивших, уличая их недавнее пребывание в полку и полную неосновательность жалоб на довольствие, но несколько мрачных типов самого зловещего вида продолжали бубнить про сапоги, про прогорклое масло, как про самый законный повод к тому, чтобы не идти на смену. Общий вид вновь выбранных комитетов очень напоминает теперешний Петроградский хлеб — такая же серая мразь; старые разумные солдаты, говорившие о долге, требовавшие службы и сами показывавшее, как надо служить, всюду забаллотированы, как «корниловцы и старорежимники», а на их место в комитеты пробрались крикливые, прыщавые с зелеными мордами юнцы.

Приехавшие со мной председатель дивизионного комитета 18 дивизии Фашер (очень разумный и стоящий на здоровой почве солдат) и представители других полков пытались всячески уговорить эту серую, трусливую гущу, но их доводы ударялись как в подушку.

После двухчасовых разглагольствований толпа начала сдаваться; слышались заявления, что их не так поняли и что идти в окопы они не отказываются; вперед полезли остатки старых солдат, и дело начало принимать совсем неожиданно благоприятный поворот. Но все было сорвано одним из наиболее энергичных вожаков, по-видимому, только одетым в форму полка, который, видя, что почва ускользает из под их ног, бросил в самой вызывающей форме обвинение по адресу начальника дивизии генерала Беляева, что он де грозил им, что, если они не пойдут в окопы, то их погонят штыками.

Настроение было мгновенно сорвано, толпа зарычала и с этого времени положение стало безнадежным. В это время в толпе произошло какое-то движение, и один из членов комитета унт. — офицер Морозов, сославшись на какое то заседание, уговорил меня уехать. Только в автомобиле я узнал от шоферов, что в разгар последнего моего успеха большевистские коноводы решили меня пристрелить, но, так как на собрании все были без оружия, то это меня спасло; пока послали за винтовкой, старые солдаты узнали и, когда назначенный для моего истребления комитетчик взял винтовку, чтобы застрелить меня сзади, то старики у него ее вырвали; я же в пылу дебатов ничего даже не заметил.

Вернулся домой совсем разбитым; промотался на автомобиле и в экипаже около 200 верст, да четыре часа говорил и убеждал среди самой напряженной атмосферы.

Дома был ошеломлен и ошарашен получением директивы о предстоящем не позже 20 октября наступлении. Удивляться давно уже перестал, но все же поставил себе вопрос: «каким местом — головой или сидалищем думают в Пскове и в Двинске». Возвеличенный южными успехами и революционными лаврами Черемисов и окружающие его идиоты, очевидно, только и способны на то, чтобы родить такую нелепость; ведь, они не могут не знать, что делается в армиях, так как, если наши донесения туда не доходят, то не могут не доходить прямые донесения корпусных комиссаров, которые не скрывают правды, особенно в нашей армии, где на три четверти они офицеры и притом весьма здравомыслящие. Я думал, что в Штарме шутили когда вчера говорили о каком то предстоящем наступлении; ведь, не говоря уже об отвратительном настроении и совершенно развальном состоянии фронта, мы не в состоянии подвозить даже ежедневную трату снарядов и расходуем пока линейные запасы, оставшееся от летнего наступления. Части отказываются идти в окопы для простой смены, а кто то фантазирует приказать им вести

напряженную и кровавую операцию наступления; да о последнем и заикнуться сейчас нельзя, так как при современном настроении это может кончиться избиением всех офицеров. Сейчас приходится уговаривать и поднимать все комитеты только для того, чтобы уговорить роту или команду перейти из одной халупы в другую, а тут Псковские Марсиане требуют наступления.

Я не понимаю совершенно командующего армией, бесстрастно, как автомат, передающего нам к исполнению подобные нелепые и, как он сам отлично знает, абсолютно невыполнимые приказания. Несомненно, что тут часть вины лежит на начальнике штаба генерале Свечине, помешанном на разных стратегических выкрутках вне времени, пространства и всей наличной обстановки.

Несмотря на усталость, набросал короткий, но вразумительный доклад о невозможности исполнения и с офицером отправил в Двинск.

10 Октября

Утром срочно вызвали в Штаб армии на совещание всех корпусных командиров. Как обыкновенно, много пустяковых разговоров на нестоящие выеденного яйца темы; длиннее и скучнее всех мямлил и бубнил командир 19 корпуса

генерал Антипов, имеющий удовольствие командовать архибольшевистским корпусом; он же высказывался за наступление и уверял, что может занять Иллукуст, чему придавал, неизвестно по какой причине, огромное значение. Остальные командиры, из недавно назначенных, видимо боялись скомпрометировать себя на счет «паничности», и поэтому в вопросе о наступлении не говорили ни «да», ни «нет». Болдырев держал себя очень решительно, разрубал все Гордиевы узлы; на заявление командира 27 корпуса, что лошади падают и не на чем подвозить снаряды, Болдырев выпалил: «ну и пусть падают».

На подобные нелепости способны только такие верхогляды и быстролетные карьеристы, которые никогда на своей шкуре, на своих нервах и совести не испытали всех ужасов и всех тяжестей таких положений.

Когда очередь дошла до меня, то я резко, определенно и решительно заявил, что сейчас даже и заикнуться нельзя о наступлении; юлить и молчать не приходится, и мы, стоящие у войск и знающие их настроение, обязаны твердо сказать верхам правду и заявить о необходимости раскрыть глаза и перестать играть в какие-то прятки. Мы тяжело больны, неспособны к боевой работе, и нам нужно спокойствие и отсутствие потрясений; в этом весь оставшийся у нас шанс на то, чтобы

справиться с надвигающейся на нас лавиной развала. Никакими самыми грозными приказами и решительностью теперь уже не помочь; сломанной во многих местах палкой нельзя наносить сокрушительных ударов; наша же командирская палка сломана так, что рассыплется на куски при первом ею размахе.

Мое мнение сейчас сводится к тому, что надо распустить армию и оставить только добровольцев, обеспечив их во всех отношениях самым лучшим образом; я, считаю, что останется около миллиона, а этого вполне достаточно, чтобы продолжать оборонительную войну при тех технических средствах снабжения, которые теперь у нас есть. Образовавшиеся кое-где ударные батальоны служат отлично, дерутся геройски и на них надо базироваться; действия этих батальонов во время июльского наступления и при рижском прорыве, где такой батальон 38 дивизии буквально спас все положение, безупречная служба ударного батальона 120 дивизии дают полное право надеяться, что с этими частями мы удержим фронт, особенно если нас не будет трогать и губить тыл. Ведь в этом последний шанс и единственный исход, так как с войсками, в том состоянии, в котором они сейчас находятся, мы не только не можем наступать, но не выдержим даже более слабого удара, чем то было под Ригой и Якобштадтом.

Мне истерически возражал Антипов на тему «не разрушайте организации». Я ему ответил, что как же можно говорить о спасении организации, когда она вся сгнила и сгнившее заражает последние остатки здорового; в катастрофические времена нельзя жить ответами шаблончиками и прогнившей рутинной. Преступно закрывать глаза на происходящее: язва расплзается, она захватила последние еще державшиеся части: мой корпус и кавалерию, и я официально докладываю, что мой корпус к бою неспособен, приказов не слушает.

Остальные командиры корпусов одобрительно мне поддакивали, но когда надо было решительно высказаться, то замолчали, и в результате все совещание свелось к толчению воды в ступе.

Болдырев произвел на меня отрицательное впечатление; какой то усугубленный момент былых времен под густым академическим соусом, важен, категоричен, больше, чем надо, хвастается своим опытом, а какой это опыт, мы все в действительности знаем очень хорошо: все больше по части верхоглядного летания по штабам; у него даже нет привычки к огню, что он показал, когда был у меня на участке и шарахался от каждого выстрела. Своего мнения у него нет, болтается, как флюгер на слабой оси.

Пришедшие с тылу газеты совсем скверные; шансы большевиков идут, по-видимому, быстро в

гору; для этого теста присланы из Германии хорошие дрожжи и опара на них поднимается чудесная; развал последних остатков государственности идет в тылу на всех парах; дерзость и преступление подняли голову и пируют. Анархия и погромы разливаются по стране широкой волной; реальной власти нет, ибо разговоры и резолюции это не власть; сил и средств борьбы с анархией нет и им неоткуда явиться. Клетки раскрыты, дикие звери выпущены и их поводьры обречены нестись впереди и давать зверью все новые и новые подачки; ни остановить, ни, тем паче, вернуть в клетки уже нельзя. Происходит крах еще небывалого в истории размера, трещат и разрываются все связи, рушатся стены и сыпятся камни повторяется сон Навуходоносора.

Положение так плохо и катастрофа надвигается так стремительно, что теперь и варяги уже не успеют нас спасти, если бы даже и захотели сделать. Понимают ли они хоть сейчас, какими последствиями грозит им их слепота и нерешительность; их представители носятся всюду как потревоженные пчелы, нюхают, соболезнают, высказывают надежду, что все образуется...

Филькина грамота, данная товарищу Скобелеву, служить благодатным материалом для издевательства газет; особенно ядовита статья

Пиленко, остроумно доказывающая, что первоначально этот наказ был написан по-немецки, а потом уже переведен на русский язык.

11 Октября

Первая бригада 70-й дивизии окончательно закинулась: оба полка наотрез отказались исполнить приказ по дивизии о переходе к Двинску для последующей смены стоящих на позиции полков 18 дивизии. Сегодня им повезли приказы и увещевания армейского комиссара, но какая может быть надежда на успех, если товарищи не хотят работать, не хотят подвергать свою жизнь опасности, и знают, что никто уже не может силой заставить их подчиниться приказу. Полгода продержалась моя старая дивизия, но и ей пришел неизбежный конец — воинская часть умерла, а осталось только одно название.

Донес командующему армией и сообщил армейскому комитету, добавив, что в моем распоряжении нет средств заставить эти полки повиноваться. Посылая это донесение, пережил тяжелые минуты, так как тут не только факт крушения огромной полугодовой работы, но и мане-текель-фарес для всего будущего, исчезла последняя ничтожная иллюзия на возможность задержать летящую вниз колесницу, и теперь весь

вопрос только в том, насколько далеко до дна и что окажется там на дне. Конечно, все это было давно неизбежно, но со свойственной человеку слабостью, я продолжал цепляться за возможность какой то передышки и чуда.

Погрузился в текущие письменные дела и весь день был терзаем интендантом, контролером и прочими бумажными скорпионами; приходится продолжать махать крыльями, хотя душа от нас давно уже отлетела. Чувствую себя отчаянно плохо; видимо, невероятное нервное напряжение дает себя знать: появились те же симптомы полного *rupture* нервной системы, что свалили меня с ног и чуть не свели в могилу в феврале 1915 года.

Вечером несколько отдохнул и забылся на мысе Илга, куда ездил на окончание первого выпуска корпусной офицерской школы; школы эти в виде дивизионных были учреждены по моему проекту, который я послал в штаб I армии еще весной 1916 года; я считал, что это было единственным средством разрешить вопросы об офицерах и исправить те огромные недостатки, которыми болели наши офицерские тыловые школы, выбрасывавшие нам десятки тысяч абсолютно неготовых к войне офицеров; эти школы заботились о внешней выправке, о зубрежке теоретических данных и ничего не давали на практике; выяснилось, что армия не может

существовать на офицерах четырехмесячного курса обучения или, как их называли между собой солдаты, на четырехмесячных выкидышах; офицеров этих надо было доделывать, и это можно было осуществить только на фронте; их надо было воспитать, и это могли сделать только сами части, но не прямо в боевой, а в смеси из боевой и прибоевой обстановки. В 70-й дивизии я провел два выпуска дивизионной школы и с отличными результатами. Сейчас кончили курсы офицеры первого выпуска корпусной школы, так как при общем ослаблении нельзя было роскошествовать на несколько школ в корпусе.

Этой школе я дал отличный состав руководителей и преподавателей, и полученные результаты дали мне большое нравственное удовлетворение. В школу шли с неохотой, с предубеждением, а кончили с благодарностью и с глубоким сознанием вынесенной пользы и огромного значения приобретенных практических знаний; в школе под руководством опытных боевых офицеров они прошли все отделы настоящей работы взводных и ротных командиров, стрельбу из винтовок, пулеметов, орудий, бомбо- и минометов; основательно и практически ознакомились со всеми видами и образцами ручных гранат (а их у нас легион, я даже изумляюсь, как можно так хорошо разбираться во всем этом калейдоскопе

французских, английских и доморощенных систем и образцов); проделали строевые и тактические ротные ученья и практически прошли весь полевой устав, все основы окопной войны и службы; ознакомились с основаниями войскового хозяйства, войсковой санитарии и разной мелочью — все это основательно пройдено, усвоено и знания проверены. Если бы все это было начато весной 1916 года и начато однообразно по всему фронту, то мы встретили бы революцию с иным составом офицеров, чем тот суррогат, которым мы сейчас располагаем. Конечно, нет оправдания тем, кто ведал подготовкой офицеров в тылу и занимался с юнкерами тонкостями отдания чести и показной белибердой мирного времени.

В 70 дивизии я с самого начала обратил внимание на нравственное совершенствование и на специальное обучение прибывавших молодых прапорщиков и думаю что дивизия держалась так долго в порядке только благодаря лучшему составу офицеров.

Приятно было провести два часа среди офицеров школы, нравственно приподнятых сознанием практической и профессиональной ценности приобретенных ими боевых знаний; прапорщик 280 полка Новиков высказал, что он не знал и одной двадцатой того, что он узнал в школе.

На Рижском фронте немцы не только

прекратили наступление, но даже отошли назад на подготовленные позиции, предоставив нам залезть в болота и в совершенно опустошенный район, где развал пойдет несомненно более быстрым темпом; мы бы и полезли туда, если бы не современное состояние фронта, делающее невозможным отдать какое либо распоряжение, связанное с движением вперед в сторону противника. Все пережитое ничему не научило наши командные верхи; а ведь невозможно даже подсчитать те моральные и материальные потери, которые мы понесли за полтора года сидения на идиотских позициях только Придвинского участка, а таких участков по всему фронту были многие десятки (Нароч, Стоход и т. п.).

Рожденная в невоюющих штабах хлесткая фраза, «ни шагу назад с земли, политой русской кровью», пролила целые моря этой крови и пролила совершенно даром. Если бы не лезли за немцами, как слепые щенята за сукой, и вместо того, чтобы барахтаться, гнить и гибнуть в болотах западных берегов той линии озер, которая тянется от Двинска к Нарочу, — остались бы на высотах восточных берегов, то могли бы занимать фронт половиной сил, сохранили бы войска физически и не вымотали бы их так нравственно. Немцы же засели на хороших и сухих позициях, отлично их укрепили, держали на них одну дивизию против наших 3—4;

мы сидели внизу, не видали ни кусочка немецкого тыла; наш тыл был у немцев, как на ладони; доставка каждого бревна, подача каждой походной кухни были возможны только ночью, люди лежали в болотах, пили болотную воду. Положение наше было таково, что если бы немцы захотели или получили возможность нас долбануть; то никто из боевой части не ушел бы с своих участков и мы были бы бессильны им помочь, так как все сообщения были по гатям, отлично видным немцам и сходявшимся к двум узким озерным перешейкам, прицельно обстреливаемым немецкой артиллерией. Сколько бумаги я исписал на доклады о невозможности нашего положения и о необходимости отойти за озера; помню тот переполох, который произошел в штабе моего теперешнего корпуса, когда я по должности начальника 70 дивизии, вскоре после приема боевого участка дивизии, подал доклад, весьма ярко характеризовавший весь ужас нашего положения; на меня стали смотреть, как на какого то опасного еретика, и очень боялись, чтобы в штабе армии не узнали, что в корпусе есть субъект, позволяющей себе исповедовать такие преступные идеи. Но меня это мало тревожило, и в каждом докладе о положении дивизии и боевого участка и при каждом посещении разных высокопоставленных контролеров и гастролеров я неизменно и упрямо

бубнил и доказывал необходимость бросить заозерные позиции. Но на все мои доводы я получал один ответ: «ни пяди земли назад», и целый год мы затрачивали невероятный усилия для того, чтобы справиться с теми трудностями, которые давили нас на наших позициях; затрачивали при этом совершенно бездельно, ибо держаться мы могли только в том случае, если немцы нас не трогали (им нужно было спокойствие на этом участке, и они умело водили нас за нос).

12 Октября

Дождь и слякоть; неремонтированные дороги напомнили осень 1915 года и обратились в непроезжие топи; какой разительный контраст с 1916 годом, когда в самый разгар осенней непогоды я ездил по своему участку на автомобиле, и когда непроезжими оставались только те немногочисленные, к счастью, у меня участки дорог, на которых работали разные тыловые дорожные организации, умело закапывавшие в землю казенные миллионы и делавшие непроезжими весьма сносные дороги.

Сохранились только дороги, сплошь вымощенные крупным накатником. Настроение отчаянно скверное; 70 дивизия кончена и подошла к общему пределу полного развала, порвав

последние, жалкие остатки надежды, за которую я еще цеплялся.

Продолжаются уговоры с посылкой в полки присяжных уговаривателей из армейского комитета, но без результата.

В 120 дивизии 477 полк, находящийся всецело в руках тайного большевистского комитета, отказался идти на смену стоящего на позиции батальона смерти и заявил, что будет стоять за фронтом только до двадцатого октября, после чего все пойдут по домам, так как «довольно быть дураками». При этом полк заявил и нам начальникам, и всем комитетам, чтобы никто и не пытался приезжать их уговаривать, так как все такие «будут немедленно пришиблены». Хорошенькая армия, в которой возможны безнаказанно такие заявления; платные немецкие разрушители могут только радоваться на быстрые и роскошные результаты своих трудов и просить прибавки за успешное выполнение своей изменнической работы. Но неужели верхи не понимают, к чему все это ведет; неужели союзники не видят, что недалеко то время, когда русского фронта не будет и им придется стать лицом к лицу с этой страшной катастрофой.

Всюду идут перевыборы комитетов и всюду проходят только большевики и пораженцы, сделавшиеся идолами всей фронтовой шкурятины;

таким образом исчезает последняя ниточка, на которой мы еще держались до сих пор, авторитет выборных комитетов. Мои предчувствия самые мрачные: написал жене, чтобы она ликвидировала немедленно все имущество и уезжала с детьми на Дальний Восток, пока путь еще не завален и не смят теми толпами, которые в ближайшем будущем бросятся домой.

Разбираясь в происходящем, вижу, как умело были выбраны немцами лозунги, брошенные на наш фронт, и основанные на отличном знании нравственного состояния русского народа; такие понятия, как «родина, патриотизм, долг и т. п.», существовали у нас для казенного употребления en masse и для частного в очень ограниченном размере.

Народ, из которого состояла распухнувшая до невероятных размеров армия, был взят в плен теми, кто сумел заманить его обещаниями; русская власть пожинает ныне плоды многолетнего выматывания из народа всех моральных и материальных соков; высокие чувства не произрастают на таких засоренных нивах; забитый, невежественный и споенный откупам и монополией народ не способен на подвиг и на жертву, и в этом не его вина, а великая вина и преступление тех, кто им правил и кто строил его жизнь (и это не Цари, ибо они Россией никогда не правили).

Что могла дать русская действительность кроме жадного, завистливого, никому не верящего шкурника или невероятного по своей развращенности и дерзновению хулигана. Вся русская жизнь, вся деятельность многочисленных представителей власти, прикрывавших Царской порфирой и государственным авторитетом свои преступления, казнокрадство и всевозможным мерзости; литература, театры, кинематографы, чудовищные порядки винной монополии, — все это день и ночь работало на то, чтобы сгноить русский народ, убить в нем все чистое и высокое, схулиганить русскую молодежь, рассосать в ней все задерживающие центры, отличающие человека от зверя, и приблизить царство господства самых низменных и животных инстинктов и вожделений. Все это сдерживалось, пока существовал страх и были средства для сдержки и для удержки. Война положила начало уничтожению многих средств удержки, а революция и слепота Временного Правительства доканчивают это злое дело, и мы несомненно приближаемся к роковому и уже неизбежному концу, к господству зверя. Руководители российского государственного курса забывают, с каким материалом они имеют дело; нельзя распоряжаться скопищем гиен, шакалов и баранов игрой на скрипке или чтением им евангельских проповедей или социалистических

утопий.

Керенский и вытщенный им на пост Военного Министра Верховский (весь ценз которого состоит главным образом в том, что его выгнали когда то из пажей) распластываются перед входящими все в большую и большую силу петроградскими советами и уверяют, что в армиях все обстоит вполне благополучно, что там произошла полная демократизация и что, если и остались кое-где темные места, то все это скоропроходящие пустышки. Так читаем мы в газетах и дивимся или слепоте, или бессовестной лжи тех, которые это говорят. Неужели же не достаточно примеров того, к чему приводит ложь, скрывание истины и зажмуривание глаз дабы не видеть правды.

В Биржевке помещено интервью с комиссаром Северного фронта Войтинским, уверявшим, что в армиях наступил спасительный перелом и что угроза Петрограду исцелила армии и они готовы исполнить свой долг.

Кого хотят надуть эти революционные подражатели Царских Министров; те хоть на этом строили свое благополучие и умножали свои награды, ну а их наследники ради чего стараются? Ведь жизни не надуешь, и обстановка не такова, чтобы ложь была во спасение...

Ведь товарищ комиссар Войтинский врет

заведомо, так как я знаю, что на нашем фронте не только начальники, но и корпусные комиссары посылают все время очень правдивые и ужасные по своему содержанию донесения о действительном состоянии и настроении фронта. Товарищ комиссар Войтинский во всех подробностях знает, что целый ряд дивизий и полков отказывается идти на позиции и работать, и, не краснея, говорить газетному корреспонденту, что армии готовы исполнить свой долг.

Чем такие интервью лучше той лжи, которую наши подлецы министры и царедворцы подносили несчастному и слепому Николаю II?

13 Октября

Утром случайно вспомнил, что сегодня день первого производства в портупей юнкера в Михайловском артиллерийском училище; 29 лет тому назад мы получили наши первые нашивки и надели офицерские темляки; как далеки и невозвратны теперь все эти времена. 120 дивизия совсем разваливается; полки обратились в кучи митингующей сволочи, руководимой отборными большевиками, и перемежающей свое время митингами и игрой в бб; сегодня они устроили первое на фронте моего корпуса братанье с немцами; к счастью, артиллерия еще держится,

батареи открыли огонь и разогнали братающихся; но такие поступки артиллеристов, по-видимому, тоже последние ласточки, так как с одной стороны угрозы пехоты перебить артиллеристов, а с другой заманчивость объявленных большевиками лозунгов сильно поколебали твердость артиллеристов, и те уже начинают говорить своим офицерам, что им невозможно идти против большинства и общего настроения; пока же всем наблюдателям приходится ходить на свои посты вооруженными до зубов на случай нападения хулиганов из состава своей же пехоты.

Приезжал начдив 70, генерал Беляев; у него тоже создается, по-видимому, уже безысходное и ничем не поправимое положение; 277 полк, руководимый присланными со стороны агитаторами, уперся окончательно и отказался слушать уговоры присланных к нему корпусных комиссаров и представителей армейского комитета; на завтра назначена последняя попытка уговорить выступить на занятие позиции наиболее податливый на убеждения 280 полк, сманив его перевозкой на позицию в вагонах, а не походным порядком; надеются, что быть может тогда и другие полки тронутся с места. Хороша армия, в которой воцарились такие порядочки управления! А Псков продолжает возиться с какими то химерами по части наступления; возвеличенный революцией

главкосев товарищ генерал Черемисов состязается с товарищем комиссаром Войтинским по части бессовестной лжи и вдохновенно болтает в Петрограде на темы о том, что армии «жаждут наступления и что немцы под давлением наших авангардов начали уже отходить». Каким негодяем надо быть, чтобы дойти до такой лжи!

Развал окутывает нас густым смрадом; каждый час приносит новые, ужасные по своему цинизму сведения об отказах, неисполнении приказов, о требованиях, постановлениях, удалениях и все это на соусе шкурятины, лени. Вся войсковая жизнь стала: солдаты едят, курят и до полного одурения режутся в шестьдесят шесть и в разные азартные игры, проигрывая и деньги, и одежду, и даже продовольствие (преимущественно сахар и хлеб); многие даже не ходят обедать к походным кухням. Говорят, что в одном из предместий Двинска есть школа для подготовки шулеров, где опытные преподаватели за 25 рублей обучают основным приемам своего искусства, а по особой таксе открывают и более прибыльный тайны.

Окопы разваливаются, ходы сообщений заплыли; всюду отбросы и экскременты; комитеты разрываются в попытках внести хоть какой-нибудь санитарный порядок, но без всякого результата, так как солдаты наотрез отказываются работать по

приборке окопов; блиндажи обратились в какие то свинушники; страшно подумать, к чему все это приведет, когда наступит весна и все это начнет гнить и разлагаться. Нет возможности даже предохранить людей помощью прививок, так как от последних все отказываются.

Комиссары, видя свое бессилие, начали под разными предлогами избегать поездок в части; их авторитет очень быстро отцвел; пока они говорили приятное, им делали триумфы, но как только им поневоле пришлось заговорить об обязанностях и пытаться прибегать к мерам понуждения, им сразу пришел конец, и они это чувствуют; сейчас их положение не лучше нашего.

Теперь повелителями разнузданных толп будут те, которые будут давать им вкусные подачки и всячески потрафлять их прихотям и вожделениям, но только до тех пор, пока будут давать. Кумиры таких развальных времен очень скоротечны: и от триумфов до «распни его» их отделяют только мгновения.

Большинство комиссаров офицеры из мартовских революционеров, выдвинувшихся на митингах горячностью своих ораторств и хлесткостью обличений; многие из них искренно хотят остановить развал, но уже поздно, и не им справиться с разнузданными инстинктами темных толп фронтовых товарищей. Все они доживают

последние дни, ибо назначивший их армейский комитет эс-эровского состава кончил свое существование, и несомненно, что на днях мы получим новых комиссаров иного состава.

14 Октября

Ну и денек! выехал из Шенгейда в восемь часов утра, а вернулся в два часа ночи; начал свой мученический объезд с 120 дивизии, заявившей, что через неделю она уходит с фронта и что никаких поисков и военных действий на своем участке она не допустить вооруженной силой. Отправился с приятной перспективой ехать в части, который вчера официально через свои комитеты заявили, что «пришибут» каждого, кто явится их уговаривать; отправился именно в ответ на это постановление, оставив начальнику штаба наказ, что делать в случай, если мне не суждено будет вернуться, и просьбу предупредить немедленно петроградских приятелей о постигшей меня судьбе, чтобы они приняли меры, чтобы жена не узнала об этом из газет. И едешь на все эти кошмарные издевательства и потрясающие переживания руководимый чувством долга и обязанности бороться до конца, но с опустошенной душой, без надежды на прочный и длительный успех и на как-нибудь положительные результаты.

В лучшем случае минутная победа, временная задержка в стремительном полете вниз, не способная уже спасти общего положения.

В 120 дивизии начал с собрания полковых комитетов; рассказал им, почему сейчас нельзя заключить мир и почему мы сейчас не в состоянии сменить полки дивизии и дать им отдохнуть в резерве; рассказал причины некоторых недостатков в продовольствии и одежде и сообщил, какие меры уже приняты для устранения и когда и каким образом они будут осуществлены; просил внимательно все продумать, повременить, потерпеть и не губить всего непомерными и фактически все равно неосуществимыми требованиями. Говорил много, старался убедить, но чувствовал себя в положении миссионера, трактующего гиенам и шакалам о любви и самоотречении.

Возражать мне по существу было трудно, ибо я научился уже говорить с массами, но управляющее дивизией большевики подстроили целую махинацию, чтобы сорвать влияние моего приезда (пришибить меня они, видимо, не решились, боясь возмездия со стороны 70 дивизии); со всех сторон начали выступать ораторы и вопрошатели с самыми острыми и заранее написанными и розданными вопросами. Началась яростная борьба, и на меня набросились все

большевистские силы, так как ясность и правдивость моих слов несомненно подействовала на большинство собрания и это было ясно видно и по лицам, и по общему настроению, как то потерявшему ту напряженную остроту и враждебность, которые я застал, когда вошел в большую комнату господского двора Анисимовичи, в которой происходило соединенное заседание всех комитетов.

Первым был выпущен какой то ярый оратор, отрекомендовавшийся убежденным анархистом и перешедший сразу в стремительное нападение по моему личному адресу; начал он с того, что раз командир корпуса говорит, что недостаток продовольствия является результатом беспорядков, происходящих в тылу и на железных дорогах, то он этим пытается натравить фронт на тыл, а сие есть явная провокация, контрреволюция и корниловщина, которые надо немедленно пресечь; затем товарищ анархист усиленно стал вопить о том, что командир корпуса говорил о необходимости продолжать войну и делать изредка поиски, а сие доказывает, что он жаждет солдатской крови, ибо все генералы и помещики сговорились, чтобы перебить побольше русских солдат и овладеть их землей. Затем посыпались самые дикие и нелепые обвинения об отдаче мной вредных для солдат приказов по армии, о вредной

«иностранный политике» и т. п.

Было очевидно, что оратор был выпущен специально для того, чтобы взвинтить толпу и вызвать ее на самосуд и на расправу со мной. Все это происходило уже на дворе, куда вышли все комитеты, и где собралась толпа солдат в несколько тысяч человек; настроение создалось такое, что все офицеры куда-то исчезли и я остался один.

Пришлось спокойно все это слушать; я невозмутимо, как будто бы меня это не касалось, дал оратору высказаться, а затем спокойно по пунктам, взвешивая каждое слово, разбил все его обвинения и доказал полную их нелепость. Напряжение нервов было огромное; надо было говорить так, чтобы ни единым дуновением не затронуть толпы и не дать того последнего толчка, который нужен был руководителям, чтобы бросить всю толпу на меня. Нужно было победить, ибо ставкой была жизнь. Я говорил так, как вероятно не говорил и не буду говорить никогда; напряжение было таково, что в самом себе я не сознавал и не слышал, что говорю, а слышал свою речь, как будто ее говорил кто-то другой. В конце концов, я победил и настроение толпы резко переменялось в мою пользу; кое-где поднялись кулаки, но уже по адресу моего обвинителя, который сразу потерял весь свой апломб.

Тогда я сам перешел в наступление и добился

того, что председатель собрания тут же принес мне извинение за то, что их товарищ позволил себе так увлечься, чтобы оскорбить меня своими неверными обвинениями. Минутно я победил: собрание решило поговорить со всеми ротами и командами и сообразно результатам переговоров вынести решение. Уехал, исполнив то, что требовали мой долг и мое положение, но с отчаянием в душе, ибо все, что услышал, увидел и испытал, убедило, что спасения уже нет, что шкурные интересы нас слопали и что те толпы, которые ошибочно называются войсковыми частями, уже не оживут. Мир во что бы то ни стало; уход из окопов в глубокие резервы; ноль работ и занятий; жирная кормежка и побольше денег; все начальство изменники, кровопийцы и корниловцы; все неудачи на фронте умышленно подстраиваются генералами, дабы уничтожить ненавистных им пролетариев; никому не верим и никого слушать не желаем; сами выберем себе начальство, войны не допустим и уничтожим всех, кто задумает продолжать войну — вот сумма выводов сегодняшней беседы, занявшей четыре долгих, временами трагических часа моей «революционной жизни».

Все разумные доводы убедить эту толпу действительны только моментами, по случайным капризам настроения.

Очень красочно сказал на этом собрании

представитель батальона смерти 120 дивизии (батальона этого вся дивизия боится, как черт ладана), заявивший, что все ораторы бессовестно лгут, придумывая разные оправдания своим требованиям, и что все они трусы и шкурники, продающие Россию. Говоривший был простой крестьянин-солдат; толпа зарычала под бичом его слов, но за смертником стояло, молча, но грозно десятка два его товарищей, и в их глазах было что-то такое, что сразу успокоило толпу и заставило ее ограничиться недовольным рычанием.

Я медленно, с двумя остановками, разговаривая с солдатами, прошел к своему автомобилю, и только отъехав с полверсты, понял, чего я только что избежал.

Из дивизии проехал прямо в Двинск, чтобы доложить командующему армией, каково настроение частей и насколько возможно говорить теперь о наступлении и о поисках; высказал Болдыреву полную для меня нелепость числиться командиром корпуса, раз у меня нет никаких средств заставить себя слушаться и исполнять мои приказы; просил, чтобы была произведена, хотя бы и под руководством комитетов и комиссаров последняя попытка очистить части от завладевших ими агитаторов большевизма, ибо иначе положение совершенно безнадежно и недалек тот день, когда армия перестанет существовать; просил отнестись к

моему докладу с должным вниманием, ибо мой корпус до сих пор по части сохранения порядка считался счастливым исключением. Болдырев кое-что обещал, но к несчастью он в радужном и воинственном настроении, подогретом уверенностью в надежности стоящих в Двинске ударных частей и кавалерии; я пытался его разубедить, так как знаю хорошо, как непрочно такое настроение частей, особенно когда они чувствуют себя одинокими и когда обстановка складывается так, что им приходится выступать активно против своих. Но все мои убеждения разбились о розовый оптимизм очень малоопытного и специфически штабного командарма. Он, например, до сих пор надеется, что ему удастся оздоровить армию путем активного воздействия частей первого кавалерийского корпуса на неповинующиеся части пехоты; вероятно, это насвистано ему командиром этого корпуса генералом князем Долгоруковым, весьма легкомысленным и поверхностным, мечтающим только о том, когда ему удастся избавиться от всей надвинувшейся со всех сторон грязи и «отдохнуть под голубым небом и горячим солнцем Ривьеры».

Входящие в состав моего корпуса 15 гусарский и 3 уральский казачий полки настроены бесконечно лучше и прочнее полков конного корпуса, и несмотря на это начальник 15 дивизии

генерал Мартынов конфиденциально мне доложил, что полки убедительно просят избавить их от исполнения ролей усмирителей и жандармов; а эти полки до сих пор в полном порядке, беспрекословно исполняют все приказы, великолепно вели себя на усмирении 138 дивизии, некоторых частей 13 корпуса, но их так травят названием корниловских жандармов, что это отразилось в конце концов на их настроении.

Я не понимаю совершенно Болдырева и его оптимистической компании; неужели они не видят, что армия больна ползучей гангреной, получившей уже такое распространение, что прижигания больных мест каленым железом уже не помогут; напрягая последние усилия, мы справляемся с заразой в незначительных точках, а болезнь захватывает в это время целый площади и въедается внутрь, поражая самые жизненные органы, разрушая нервы и центры и уничтожая последние остатки сопротивляемости всего организма.

По поводу псковского проекта наступления Болдырев донес то заключение, к которому пришло последнее совещание корпусных командиров, и получил лаконичский ответ начальника штаба фронта, что «таково приказание Главнокомандующего фронтом и оно должно быть исполнено».

Из разговора с Болдыревым узнал, что до

меня у него были командиры 19 и корпусов с докладами о безнадежном состоянии их корпусов; даже с Антипова соскочил его оптимизм. Заехал к армейскому комиссару поручику Долгополову (бывший офицер 70 арт. бригады) и просил его самым решительным образом осведомить командные и комитетские верхи о действительном состоянии армии.

Вернулся в штаб грязный, утомленный, вымотанный нравственно и физически до полной пустоты.

15 Октября

Штаб армии продолжает приставать с разными распоряжениями по поводу разработки выдуманного Псковом наступления; не выдержал и написал армейскому комиссару Долгополову частное письмо с просьбой избавить нас от этих приставаний, так как все равно никакого наступления быть не может но: то постоянные о нем толки бросают части во власть тех, кто обещает избавить их от такой грозной неприятности, и дают богатую пищу для агитаторов, волнующих солдат рассказами о том, что начальству вновь захотелось попить солдатской кровушки.

Утром получил постановление полковых комитетов 18 дивизии, решивших идти на

усмирение 70 дивизии и силою оружия принудить ее выступить на занятие боевых участков. Передал все это в армейский комитет и армейскому комиссару пусть раскусывают своими демократическими зубками эти послереволюционные орешки.

Пока что наш армейский комитет отправил в Петроград телеграмму о том, что штыки V-ой армии готовы привести тылы государства в порядок; все это только бахвальство и сотрясение воздуха; ведь все, кто не ослеп и не оглупел окончательно понимают, что под предлогом усмирения тыла все готовы сняться с фронта, но когда они туда придут, то надо будет думать о том, как и кем их усмирить; несомненно что привилегированное положение частей, захвативших в свои руки власть над Петроградом и Москвой и объявивших себя несменяемыми стражами завоеваний, революции, вызывает острую зависть остальных частей, каждая из которых готова немедленно же занять столь безопасное, властное и жирное положение.

До сих пор, несмотря на долгую тренировку в самых сложных и опасных положениях, не могу забыть тяжелых переживаний и впечатлений вчерашнего дня! нахальных, зверских рож передних рядов вчерашней толпы, уже предвкушавших истребление стоящего на их пути командира

корпуса. В средних и задних рядах толпились обыкновенные серые и безразличные солдаты, бессознательное валящие за тем, кто сумеет бросить в их толщу подходящий к данному настроению лозунг который сегодня может быть архиреволюционный, а завтра архиреакционный, но оба могут быть приняты с одинаковым навалом и стремительностью. Но то, что вылезло вперед и больше всех галдело и визжало, это не скоро забудется, ибо в эти рожи и глаза воплотилась ненависть и жадность долголетнего и темного рабства, гарнированного наследственным пьянством, ядовитой желчью грызущих, но неудовлетворенных вожделений и жгучей ненавистью ко всему, что выше поставлено и лучше обставлено. Веками лежавшие и обросшие мхом камни сброшены со своих мест, и придавленные ими много лет гады и темные звери ожили; они не только ожили, но и поняли, что камни назад уже не вернуться и что настали новые времена, когда сила уже на стороне тех, кто был под этими камнями. Теперь они сами лезут на давно желанные верхи, давя и сокрушая все, что только мешает по их мнению или может помешать им дорваться до власти и денег, до баб и возможности в волюшку насладиться глумлением, издевательством и муками над тем, чего они до сих пор рабски боялись, перед чем униженно пресмыкались, чему

так жадно завидовали и что так остро ненавидели.

Скверное осеннее время усугубляет ту скверность, которая гнетет душу и слизким комком ложится на сердце. Впереди никакого просвета, никакой надежды на спасение родины. Хотелось бы очень знать, что думают теперь все эти Львовы, Гучковы, Родзянки, Керенские и иже с ними; неужели они не поняли до сих пор, в какую пропасть они направили расшатанную колесницу российского государственного бытия и какими грозными и чреватými последствиями все это грозить? Ведь теперь ни у кого не должно уже оставаться сомнений в том, какой характер приняла эта Революция и какие лозунги она выдвинула и крепить.

Остановить то, что идет сейчас у нас, уже никто не в силах; могут быть только мимолетный задержки; случайные удары о тот или иной подвернувшийся по дороге камень; лишний переворот кругом себя или новая поломка летящей вниз громады, но судьбы мира надолго предопределены тем, что началось на берегах Невы в последние дни февраля месяца 1917 года.

Лунные люди, политические марсиане, совершенно не знающие русского народа, продолжают мечтать, что повторяется 1906 год и что под давлением остроты положения надо было что то дать, а затем можно будет опять закрепить.

Но дело в том, что с революцией началась смертельная для государства дизентерия и закрепительных против нее средств в нашем распоряжении уже нет; нашептываниями и убеждениями такие поносы не останавливаются. Размах революции сейчас совсем иной и она подперта совсем иными лозунгами, чем все ее предшественники; наши же книжники и революционные фарисеи продолжают кувыркаться в кабинетных измышлениях, кропотливо отыскивая детали идентичности нашей и французской революции и пытаясь по опыту прошлого предсказать будущее.

В газетах характерна покаянная передовица Известий С. и Р. Депутатов, подвергнутых уже херему грядущих к власти большевиков. Очень хороша речь казака Агеева и разумна речь Гольдштейна; но что теперь в этих речах, кои уже не в силах ни остановить, ни изменить ход событий, управляемых властью освобожденной от всяких уз и препон толпы. Кто то очень удачно сравнил вождей нашей революции с неосторожными людьми, выпустившими из за решеток своры диких зверей и вынужденных теперь нестись во весь дух впереди этой своры и все время бросать им какие-нибудь подачки, ибо иначе их нагонят и разорвут в клочья.

Пока выпущенные на свободу зверьки

наслаждались новизной нового положения и пока у них не разыгрался аппетит, они довольствовались малым и пустяковым, но сейчас они вошли во вкус и им нужно существенное и с жирком, и с вкусными корочками. А сие им и в весьма обольстительной форме сулят товарищи большевики, которые и будут несомненно очередными новыми лидерами этой бешеной скачки-погони, до тех пор, пока не выбросят все, что только смогут; тогда свора разорвет и их.

В статье Ното Novus удачно переделаны слова Гейне о том, что «мир есть греза богов», в русской действительности это «греза самоедского бога, нажравшегося на ночь жирной свинины и притом не свежей».

Дедушка русской революции Чайковский вопит: «вы апеллируете к разуму, а ответ получаете шкурный...» Все это так; все это ужасно своей непреложной правдой; но за то также верно и также ужасно, что все вы революционеры и quasi народники абсолютно не знали своего народа; сами создали своего гомункулуса, сами облекли его в измышления собственной фантазии, опозитизировали, разукрасили, преклонялись, восторгались... и ныне доехали до настоящего положения, которое в скором будущем сожрет и вас самих. Мозговики, утописты, фантазеры, вы в вашей борьбе с монархией в пику ей создали

воображаемый русский народ, не понимая даже невозможности для него быть при его историческом прошлом тем, чем вы хотели его изобразить и чем он никогда в действительности не был да и быть не мог. Дедушка обижается, что ему отвечает шкура, а не разум; а где же взяться этому разуму, и как ему победить веления этой самой шкуры, ощущениями и потребностями которой народ только и жил; дедушка обижается, что народ живет, думает и чувствует только шкурой. Проглядел дедушка русскую действительность; не понял во время и не учел того, что русская жизнь не могла дать иных результатов и что негде было родиться настоящему разуму в кошмаре русской деревни. Господа экспериментаторы русских революционных эпох воображали русский народ по quasi народным романам и повестям, да по показаниям тех экземпляров русской интеллигенции, которая, опростившись по наружности, самоотверженно шла «в народ» и, потершись там, начинала воображать, что она тоже народ и в совершенстве знает народную душу, и судила о народе по собственному принесенному извне внутреннему содержанию, распространяя его совершенно ошибочно на актив всего народа.

Икс в формуле был подложный, а потому и выводы получились неверные, фальшивые. Только Меньшиков пророчески указал на грозное

предостережете, данное замечательной книгой Родионова: «Наше преступление». Автора нарекли тогда черносотенцем, хулителем русской деревни и русского народа, ну, а теперь достаточно развившиеся экземпляры Родионовского зверинца вылезли на свободу и, ничем не сдерживаемые, показывают свой высокий класс. Пока их кое в чем сдерживают уцелевшие остатки плотин разрушенной государственности; но за то каким потоком он разольются потом, когда исчезнуть последние следы страха перед тюрьмой, полицией плетью и прочими судебными неприятностями.

Вечером один из членов корпусного комитета старили унтер-офицер 47-го полка К. принес начальнику штаба письмо, случайно к нему попавшее по одинаковости его фамилии с фамилией настоящего адресата. Писано на машинке, подпись Миша; даются какие-то таинственные распоряжения явно большевистского характера но очень ясна фраза: «вчерашее собрание показало, что власть и влияние командира корпуса еще слишком велики и поэтому командира «надо убрать», для чего в Боровку посылаются двое надежных ребят, которым надо помочь в исполнении этого поручения».

Бедный К., старый и очень разумный солдат, пришел ко мне совсем растерянный меня же это письмо страшно обрадовало, ибо было оценкой

моей тяжелой работы и воочию доказывало, что я мучусь, терзаюсь и рискую не даром и своим телом все еще сдерживаю кое что; это больше всяких наград вознаграждает меня за все пережитое и переживаемое; значить, я все еще фигура, достойная своего места и положения и мешающая изменникам и мерзавцам творить свое злое и гнусное дело; значить, все мои поездки и весь расход нервной энергии и последних остатков здоровья не бесполезны.

Письмо это страшно облегчило мое нравственное состояние; оно сняло с меня долю той тяжести, которая меня давила; я сознаю, что, все равно, спасти всего положения я, конечно, не могу, но на своей стрелке я еще не лишний и останусь на ней стоять, пока буду в силах.

Ну, а выступлений и покушений я не боюсь; лишь бы смерть, пришла сразу и без мучений; такой смерти в бою я всегда хотел. Больше двух месяцев я езжу по частям, не имея при выезде уверенности, что вернусь живым, и по этой части на моей чувствительности выросли толстые, претолстые мозоли.

Во всяком случае большое спасибо товарищу Мише и ошибке почты; третьего дня я просил Болдырева подыскать мне заместителя, ибо тревожные признаки по части здоровья заставляли опасаться возможности сразу свалиться и выйти из

рабочего строя, но теперь я буду держаться, пока стою на ногах и пока не почувствую, что дальнейшее мое пребывание здесь бесполезно или вредно. Пока могу, не дам товарищам Петровым и Федотовым радоваться, что с их пути ушел тот, кто им мешает и кого они боятся открыто уничтожить.

16 Октября

Ясный день и настроение, особенно после вчерашнего Мишиного письма, самое радостное, даже мало подходящее ко всей обстановке. Быть опасным для этих господь — большая заслуга.

Газеты полны описаний ужасов, творимых на фронте и в стране войсками и запасными частями; на юго-западе товарищи солдаты, по донесениям товарищей комиссаров, своими «мирными подвигами заставляют вспоминать нашествия гуннов и иных варварских полчищ и орд». Потрясающее письмо прислали офицеры Л. Гв. Петроградского полка на имя Керенского; письмо спокойное, корректное, но ужасное по своему могильному спокойствию и по заключенной в нем правде.

Брусилов в Москве и громит демократию; удивительный хамелеон этот главковерх из бывших берейторов при Царских и высокопоставленных особах. Никогда не забуду его первого приезда в

Двинск только что назначенным Главковоерхом, когда на армейском съезде он молился о мире без аннексий и контрибуций (Алексеев только что слетел за противоположное) и в конце речи схватил откуда-то взявшейся красный флаг и стал махать им над головой. Недурное занятие для недавнего генерал-адъютанта, готового, очевидно, на все, лишь бы добиться у толпы популярности и триумфа. Я совершенно понимаю, что для того, чтобы сохранить власть над толпой таким лицам, как старшие начальники командных верхов, необходимы многочисленный и серьезные уступки из старого обихода, но этому есть пределы. Я пока довольно прочен по части своего авторитета (вчера получил на это аттестацию от своих врагов), но никогда еще я не уступил толпе ни в чем существенном, серьезном; я давал ей по ее требованию только пустяки; без ее требования я осуществить очень многое, но дал это добровольно, предупредив неизбежные в будущем требования. Я не позволил, например, в корпусе никаких грязных выпадов против Царской семьи, потребовал в этом деле поддержки комитетов, сумел их убедить в непорядочности и неблагородности таких выпадов, и меня до сих пор слушаются.

Но то, что говорил и делал Брусилов, не вызывалось никакой необходимостью и было весьма сугубым уклонением в сторону дешевой

демагогии.

Кадеты, кадетоиды, октябристы и разномастные революционеры старых и мартовских формаций чувствуют приближение своего конца и верещат во всю, напоминая мусульман, пытающихся трещотками предотвратить затмение луны.

Рабы фраз, успевающие фигляры митингов, хлесткие авторы трескучих резолюций, но кастраты настоящего, живого дела, они пустили в ход все запасы и все виды своего обветшалого и бессильного уже оружия, гремят и разливаются истерическими выкриками на красивые, но никого уже не трогающие темы, и требуют того, что когда-то еще могло помочь, а теперь является только подливанием масла в огонь.

Товарищи большевики должны быть им бесконечно благодарны, ибо все эти вопли и резолюции дают большевикам самые яркие доказательства, чтобы пугать ими насторожившихся на фронте и в тылу массы призраками грядущей контрреволюции и угрозами возможности опять потерять нос то сладкое и жирное, к чему протянулись и до чего дорвались многие жадные руки.

Ведь, как ни пытаются маскировать все эти резолюции всякими сладкими демократическими и quasi революционными соусами, но из них, как из

дырявого мешка во все стороны торчать давно знакомые и для масс острия, жала и скорпионы, неизменные спутники тоски по потерянным правам, преимуществам и привилегиям и по сдохшему или перешедшему в другие руки казенному воробью.

Ездил в 480 полк, второй по состоянию развала в 120 дивизии; ездю на эти дискуссии, как на томительную каторгу; изображаю того же Керенского; только он главноуговаривающий, а я корпусоуговариватель. Настроение солдатской толпы сегодня много лучше; большевики держатся в задних рядах; их главари совершенно не выступали и только ядовито улыбаются. По дороге в полк меня встретил офицер, посланный командиром полка с предупреждением, что на меня готовится покушение, но я привык к тому, что когда предупреждают, то обыкновенно ничего не случается. Когда видишь солдатские толпы в спокойном состоянии и вне взвинчивающего влияния разных подстрекателей, то временами в души появляются голубые кусочки надежды, что если бы сейчас очистить части от большевистских главарей и гарантировать солдатам, что никакого наступления не будет, то героической работой командного состава, офицеров и разумных комитетов на нашем фронте можно еще было бы удержаться от полного и окончательного развала; в такие времена хочется верить, что мы не отравлены

еще так, что нет надежды на спасение.

Иное дело, судя, конечно, по газетам, в тылу и на юго-западе, где распустившаяся солдатские орды дорвались до сладости грабежей, насилий и убийств и где возможность спасения только в возможности массового применения каленого железа, которого нет и негде взять.

Вечером получил телеграмму о сокращении хлебной дачи до полутора фунтов новый и весьма большой повод к обострению агитации и к вящему ухудшению солдатского настроения; наши верхи до сих пор не понимают или же умышленно не желают понять, что все регуляторы солдатского настроения и все возбудители разных неудовольствий помещены в солдатском брюхе.

Не считаясь совершенно с состоянием продовольственных запасов, мальчишки военные министры, богатые только революционным стажем, выбросили на фронт миллионные пополнения и этим сорвали всю систему оборота и подвоза запасов, что стало особенно острым при воцарившихся на железных дорогах развале и беспорядках. Навезли на фронт трусливые, не желающие воевать и работать рты, которые, помимо того, что усилили общий развал, усугубили давно уже надвигающуюся на фронт продовольственную катастрофу.

Невеселые на завтра перспективы; сколько

запросов и сколько обвинений вызовут эти несчастные полфунта хлеба; убеждений и разъяснений никто слушать не будет, а все свалят на контрреволюцию и злостные подвохи начальства.

17 Октября

Весь день провел в Двинске на томительнейшем совещании по вопросу о расформировании третьеочередных и ненадежных дивизий. Мы всегда запаздываем: два три месяца тому назад все это было бы очень кстати, но тогда на наши просьбы о необходимости этой меры верхи не обращали никакого внимания; теперь же это не пройдет, ибо это невыгодно для тех, для кого выгоден скорейший и полнейший развал русской армии, и теперь все это будет свалено в общую кучу карательных и контрреволюционных мер и никто из товарищей не позволит провести в жизнь эту меру; ведь в этих дивизиях сейчас вся сила большевиков и они напрягут все старания, чтобы их сохранить; конечно, все подлежащие упразднению и обращению в небытие комитеты этих частей явятся самыми деятельными сотрудниками большевистских заправил. Это надо было делать, пока на нашей стороне была сила; когда, например, всевозможными посулами и уговорами тащили на

фронт уже и тогда совершенно безнадежные по своему состоянию 120 и 121 дивизии, тогда была полная возможность осуществить это расформирование. Сейчас же все это ушло в невозвратное прошлое; того, что упущено, уже вернуть нельзя. Весь фронт покрыт любезными большевистскому и немецкому сердцам, гнойными нарывами в виде совершенно разложившихся, в большинстве преимущественно третьеочередных, дивизий. Помню, как я молил тогдашнего командарма Данилова не губить меня присылкой этих дивизий; и несмотря на все мои просьбы их мне прислали и ими погубили до тех пор очень стойко державшийся корпус.

138 дивизия 47 корпуса только три дня стояла в районе нашей 18 дивизии и сразу же внесла полное разложение в ближайший батальон Белевского полка. Все это было непонятно совершенно оторванным от войск командным верхам; на мои доводы о причинах отказа от 120 и 121 дивизий, начальник штаба армии Свечин недоуменно меня спрашивал, чем же я буду развивать свое наступление, и никак не мог усвоить моих разъяснений, что наступление можно развивать настоящими дивизиями, а не разнузданными в конец бандами, которых никак не могут уговорить согласиться идти на фронт и которые уже и так искусились в том, что можно не

исполнять неприятных для себя приказаний начальства, ибо у последнего нет никаких реальных средств для того, чтобы заставить неповинующихся выполнить такое приказание.

На совещании корпусных командиров я определенно высказал свое мнение, что с расформированием мы уже опоздала и что теперь эта мера ничего кроме новых скандалов и новых ударов по остаткам власти не вызовет, и нам придется только лишний раз пережить унижение быть безмолвными и бессильными свидетелями неисполнения наших распоряжений.

Сейчас время крутых распоряжений уже миновало; ныне единственный шанс это полный покой и бережное устранение всего, могущего вызвать острое воспаление и сопровождающие его эксцессы; надо этим путем дотянуть до последней оставшейся ставки — выборов в Учредительное Собрание (ставка очень ничтожной, так как надо, чтобы за ней стояла реальная сила, а не одни только возвания, декларации и резолюции).

Большевики развернулись сейчас во всю и, если они победят, то последние остатки армии и государственности будут неизбежно сметены.

Мое мнение о несвоевременности расформирования ненадежных дивизий и о невозможности осуществить теперь эту меру было поддержано армейским комиссаром. Болдырев

недовольно молчал, мнения своего не высказал, но согласился включить мое и комиссара мнения в свой доклад Главнокомандующему, но я уехал без уверенности, что он это сделает; вообще, мне его тактика не нравится: он очень прозрачно ругает при нас Черемисова, выставляет себя гонимым и всячески хочет свалить всю вину на Псков, но в то же время срывается иногда на мелочах, из которых явно выпирает его заискивание в сношениях с Черемисовым и желание путем двойной игры быть удобным и подходящим и вверх и вниз; для большого начальника это очень скверная политика и на таком двухцветном россинанте далеко не уедешь.

Я просил также настоять на том, что, если расформирование дивизий будет решено, то пусть приказ об этом будет из Петрограда и исполнение его будет возложено на какие-нибудь особые комиссии такого состава, который исключал бы всякую возможность заподозрить эти комиссии в контрреволюционности. Я все время повторял, что положение фронта сейчас чрезвычайно острое, и ради спасения фронта мы обязаны говорить вверх только правду, как бы остра и неприятна она там ни была. Меня поддержал только командир 45 корпуса генерал Суханов, а остальные дипломатически молчали.

На совещании присутствовали все корпусные

комиссары; настроение их очень неважное, так как они ставленники уходящего состава армейского комитета и знают, что их дни кончены; по их мнению, настроение солдатских масс очень озлобленное и им надоела кормежка их обещаниями; солдаты убеждены, что главным препятствием к миру и немедленному уходу по домам являются начальники и офицеры, которым выгодно продолжать войну, и поэтому всюду идет самая оживленная агитация, подуськивающая массы к поголовному истреблению начальников и офицеров. Руководство агитацией построено очень умело; одна и та же мысль одновременно, как по телеграфу, в одинаковых даже выражениях бросается и впрессовывается в солдатские массы от Риги до Нароча; те же мысли муслируются одновременно большевистской «Правдой» и немецкими газетами «Товарищ» и «Русский Вестник», печатаемыми в Вильне и очень аккуратно разбрасываемыми по всему фронту в особых почтовых минометных бомбах, отличающихся от обыкновенных тем, что их головные части окрашены в красный цвет. Один из начальников дивизий утверждает, что на фронте 19 корпуса братаньем и так называемыми поцелуйными встречами заведовал немецкий майор Менеке, специально натаскивавший наших товарищей на тему о том, что главным препятствием к миру были

русские начальники.

За обедом у командарма пришлось сидеть опять рядом с командиром 1-го кавалерийского корпуса князем Долгоруковым, который опять начал распространяться на несомненно излюбленную им тему о том, что все его желания сводятся к тому, чтобы поскорей очутиться в Ницце подальше от здешней мерзости. Это было настолько цинично, что я очень невежливо спросил князя, что он наверно во время спас за границу все свои капиталы; ответ был самодовольно утвердительный. И таково большинство нашей так называемой аристократии, объедавшейся около Трона, обрызгивавшей его грязью своих темных дел; укрывавшейся часто под сенью Царской Порфиры от ответственности за разные гадости, и в минуту опасности так позорно покинувшей и предавшей своего Царя. Как подходят к ним бичующие слова Лермонтова: «Вы, жадною толпой стоящие у Трона...»

Из Пскова сыпятся десятки телеграмм и приказов об усиленных занятиях, маневрах и военных прогулках; вспомнили старые мирные привычки и требуют представления в штаб фронта подробных программ занятий и заданий для маневров. Как это затхло, непроходимо глупо и даже цинично! Что они лунножители или прирожденные прохвосты, пытающиеся по старой

привычке спрятать свои пустые головы и выхолощенные сердца под страусовое перо разных циркулярчиков, и отделаться от ответственности знакомыми словами: «мы приказывали».

Вчера начался армейский съезд для перевыбора армейского комитета. Трудно было выбрать худшее время; нет и сотой доли процента шансов на то, чтобы удержался теперешний очень дельный и здравомыслящий состав, так как он потерял всякий авторитет среди разваливающихся частей; он требовал исполнения долга, работы и занятий, он твердил об обязанностях, настаивал на продолжении войны и применял силу и репрессии против неповиновения. Он был ненавистен для большевиков, ибо его силами и его вмешательством был сорван июльский большевистский заговор, был занят Петроград и арестованы все главари большевизма.

Случилось неизбежное: как только комитету пришлось стать на неизбежную для всякой власти дорогу, сейчас же кончилось время оваций и наступило мрачное, а потом и злобное молчание, перешедшее теперь в крики: «Распни его». Правительство и Петроград были неспособны учесть огромного для них значения состояния 5 и 12 армий и не приняли во время мер, чтобы сохранить эти важнейшие для них армии в возможном порядке и не допустить, чтобы они

сделались главным оплотом большевизма. Сейчас все части северного фронта за самыми ничтожными исключениями во власти большевиков и через несколько дней мы будем иметь большевистский комитет, большевистских комиссаров и все вытекающие из этого последствия.

В 12 армии то же самое.

На сегодняшнем совещании помощник армейского комиссара сообщил, что имеются сведения о том, что глава армейских большевиков доктор Склянский получил уже из Петрограда инструкции немедленно по вступлении во власть большевистских комитетов и комиссаров объявить о прекращении на всем фронте армии каких бы то ни было военных действий. По сообщению того же помощника положение в Петрограде самое напряженное; там назревают решающие события; правительство растеряно и бессильно, и его министры, ложась спать, не знают, проснутся ли они на завтра в постели или в тюрьме.

Сердечные боли все сильнее; появились позывы на обморок; все ближе подхожу к условиям 1915 года, когда в начале февраля не мог уже стоять; повторяется по-видимому полный *rupture* нервной системы, как определил тогда мою болезнь профессор Карпинский. Невероятное нервное напряжение последних месяцев не могут пройти даром.

И как все это не во время: обстановка, как никогда, требует сил и бодрости, а я по физическому состоянию приближаюсь к состоянию разбитой клячи.

По сведениям с юга, полученным в корпусном комитете, многие солдаты старых сроков службы, получившие по приказу Керенского право вернуться домой, отказались от пользования этим правом и предпочли остаться на фронте, продолжать получать жалованье, продовольствие и разные недоеды и недодачи, и в то же время ничего не делать, ничем не рисковать и заниматься торговлей, сейчас очень выгодной. Петроград, Москва, Киев, Одесса и главные города тыла переполнены старыми «дядьями» и молодыми подсосками, торгующими на улицах едой, папиросами, одеждой, награбленным имуществом и т. п. За последнее время появились немецкие модные товары, галантерея, ботинки, вымениваемые у немцев во время братаний. Какой дурак променяет такую жизнь на тяжелую работу в деревне; ведь, и до революции многие солдаты отказывались от отпуска, зная, что когда они придут в деревню, то выбившиеся из силы бабы заставят их исполнять тяжелые полевые и домашние работы.

18 Октября

Ездил опять в штаб и полки 120 дивизии; не хочу лишать товарищей возможности проявить свое искусство по части уничтожения неудобного им корпусного командира. Кроме того надо продолжать начатое мной подтягивание хозяйственной части и интендантства этой дивизии, так как, как и всегда и везде, сильное разложение полков находится в сильной зависимости от плохого довольствия и от беспорядков по хозяйственной части.

Приходится переживать тяжелый продовольственный кризис; общий революционный развал разрушил довольно сносную раньше систему сбора запасов и подачи их на фронт; первое время нам помогали накопленные раньше всюду войсковые запасы, но им теперь пришел конец и всюду начинается недостаток и недовоз. Я думаю, что если бы верхи фронта к тыла более чутко понимали бы все значение для армий продовольственных вопросов, то и при развале все же можно было не допустить дело дойти до критического положения; но, к сожалению, наши ставочные и тыловые Юпитеры очень мало интересуются вопросами довольствия и начинают беспокоиться только тогда, когда надвигается катастрофа и всюду начинается гвалт. По продовольственной части первые годы

войны приучили смотреть на все походя, все де обойдется; по этой части низам скулить не разрешалось, и все урезки, недохваты и даже голодание считались мелочами, недостойными высокого юпитерского внимания, справляться с которыми обязаны были полковые командиры и начальники дивизий. Всюду прежде царило: «мало ли что нет; молчать!» Ну, а теперь молчать не хотят, и все, касающееся брюха, властно вылезло наверх; справляться же со всеми недохватами предоставляют нам; верхи остаются в стороне, и весь ответ, и вся злоба солдатских масс, объясняющих все только злым умыслом начальства, падает на нас.

Даже офицеры не желают понять стихийных причин, влияющих на продовольственное снабжение армий, и так же, как и солдаты, валят все на ближайшее начальство и на его нераспорядительность; что же тогда требовать от солдат, которых все время науськивают специальные по развалу армии агитаторы, и которые уже научились применять не только жалобы, но к физическое воздействие против тех, кого они считают или на кого им указывают, как на виновника всех недодач и урезок; агитаторы отлично знают, какую остроту имеют все вопросы по довольствию и какое стихийное и чисто звериное озлобление они вызывают.

Сейчас нужны какие то совершенно исключительные меры, чтобы обеспечить довольствие фронта; все приходящие из тылу сведения показывают, что дело сбора запасов идет все хуже и хуже; первое, что надо, это сократить армию в несколько раз и оставить на фронте только то, что надо для обороны. Иначе мы очень скоро придем к голодным бунтам на фронте.

Сейчас дача хлеба сокращена уже до полутора фунтов, подвоз мяса почти прекратился, с жирами совсем слабо, а с фуражом еще хуже. 70 дивизия еще держится благодаря развитой при мне системе заготовки кое каких запасов в ближайшем тылу собственным попечением войск, но в молодой и бесхозяйной 120 дивизии все недостатки по довольствию сказываются особенно остро. Приказал не жалеть никаких денег, чтобы покупать муку и сало; нельзя доводить войска до голодного бунта; усмирение всех беспорядков, возникающих на почве требований брюха, были всегда очень трудны, ну, а при современной обстановке это может быть смертельной и окончательной катастрофой. Ведь, если бы в феврале этого года в Петрограде была бы мука, было бы мясо и был бы уголь, и их во время дали бы населению, то мы не сидели бы теперь у того полуразбитого корыта, которым является Россия.

120 дивизия прислала постановление

соединенных комитетов с требованием немедленного заключения мира и отвода дивизии в резерв; но вместе с тем полковой комитет 477 полка уведомил меня, что он исключил из своего состава того товарища, который на последнем собрании в господском дворе Анисимовичи наговорил дерзостей по моему адресу. Вечером же в почте я нашел письмо на мое имя с приложением утвержденного какой то пятеркой смертного мне приговора (письмо с пометкой на конверте почтового вагона, так что отправлено кем то с пути). Засчитываю себе это еще в одну очередную награду за хорошую службу.

Вечерний доклад начальника штаба и председателя корпусного комитета принесли целые вороха самых безотрадных известий и донесений; волна большевизма все захлестывает; развал перебросился на артиллерию и специальные команды; все средства связи уже всецело в руках большевистских комитетов. Вообще гангрена расплзается с поражающей быстротой; армия гниет, как кусок уже тронувшегося мяса в очень жаркий день.

Трещат и лопаются одна за другой последние связи, везде разинутые пасти, полные слюны вожделения; отовсюду только требования прав, льгот, уступок, отмены обязанностей. С каждым часом толпа все более и более сознает свою силу и

становится все дерзче. Вечером в штаб корпуса явилась депутация от роты 8 инженерного полка и заявила, что роты не желают ждать никаких разъяснений по поводу выдачи заработных денег за окопные работы в 1915 и 1916 годах и грозят разбить денежные ящики и удовлетворить свои претензии собственным попечением. Способов противодействия у меня никаких; для спасения последнего авторитета власти пришлось прибегнуть к передержке, заявив, что разъяснение в пользу выдачи только что получено, и что, хотя я и считаю сделанные мне заявления дерзкими и неуместными, но разрешаю претензии удовлетворить, как уже утвержденные контролем.

Какой я жалкий начальник, раз приходится прибегать к таким непристойным уловкам; разве я корпусный командир? я только потрепанное огородное чучело, которого никто уже не боится, но которое все еще для какой то видимости продолжает торчать на своем месте в своих жалких отрешках и погремушках. Написал Болдыреву письмо, в котором изложил всю нелепость нашего положения и просил найти мне заместителя, который считал бы возможным современное положение начальника.

От газет становится тошно на душе: всюду звери, звериные дела, звериные морды и жадность, кое-где и звериная жестокость. Жалкая, бессильная

власть что-то лопочет и пытается громкобредом и высокопарными сентенциями остановить сокрушающуюся громаду российской государственности. Все эсеры, попавшие в министры и приявшие на свои плечи ответственность, цепляясь за последние средства спасения, раздражаются такими мерами, перед которыми задумывались даже самые крутые реакционеры Царских времен.

Незыблем по-видимому мой закон политической баллистики, формулируемый так: «всякая революционная морда, ударившаяся о государственность, сворачивает вправо». Брехать и валить существующую власть это одно; охранять и отвечать за результаты нечто совсем иное, сидящее на противоположном конце диаметра.

Немцы и австрийцы обрушились на Италию, итальянский фронт трещит и макаронникам приходится плохо; французы бросают свои резервы на спасение Италии.

Впервые сказывается наш выход из боевого строя; у немцев развязаны руки и они могут теперь дерзать на решительные и грозные для наших союзников операции. Надо только удивляться, чего они медлят. Как я завидую теперь немецким генералам, которым судьба дает счастье быть творцами, участниками и свидетелями побед и видеть реальные результаты разработанных планов

и осуществленных предположений.

Нам судьба этого не дала, и за все перенесенное и за все великие труды мы получили только ужас современного положения и еще более ужасное и мрачное будущее.

20 Октября

Получил от Болдырева письмо, полное комплиментов и уверений в невозможности найти мне достойного заместителя по командованию корпусом; ответил, что остаюсь при старом решении, так как помимо того, что считаю свое бессильное и бесправное положение архинелепым, состояние здоровья не позволяет служить с тем напряжением, которого требует наличная обстановка; после каждого нервного напряжения мне приходится отлеживаться по несколько часов; при такой изношенности я не имею права продолжать цепляться за свое место.

В Двинске на съезде идет ожесточенная борьба между большевиками и эсерами, борьба не на живот, а на смерть; положение эсеров, однако, безнадежное; они потеряли весь былой авторитет, и повелители солдатских масс теперь уже большевики и их главные представители в нашей армии Склянский, Седакин и Собакин (три с. с.).

Исполняя приказ, послал в штаб армии проект

наступления для прорыва немцев на Тыльженском участке; при этом поставил непременным условием увести с фронта 120 дивизию, так как ее товарищи способны открыть огонь в спины своих наступающих частей; донес также, что наступление возможно только при помощи ударных частей и добровольческих команд, обеспечив заранее нейтральное поведение остальных частей; тогда при полной для немцев неожиданности (конечно если их не предупредить приятели большевики) такое наступление может иметь успехи

21 Октября

Ночью вернулся с армейского съезда председатель корпусного комитета прапорщик В.; по его словам впечатление от съезда отчаянно скверное; эсеры упорно защищают свое положение, объединились с остальными умеренными партиями, но на стороне большевиков уже несомненное большинство, поддерживаемое облепившими съезд массами солдат Двинского района, почти поголовно шкурятниками, для которых все будущее в победе большевиков. Но все же при обсуждении поведения полков 70 дивизии съезд вынес им единогласно полное порицание и послал приказ немедленно выступить на смену частей 18 дивизии; сомневаюсь, чтобы и этот приказ была исполнен.

Весь день провалялся; слабость, перебои в сердце и изнуряющее отсутствие сна; когда закроешь глаза — то в них стоит какая-то желтая муть.

Происходящая на съезде борьба является последней битвой эсеров, которые с самого начала революции без соперников царили во всех комитетах V армии и царили разумно, с большим здравым смыслом, но не особенно дальновидно и слишком по штатски; они долго мечтали править массами при помощи убеждений и красивых фраз и резолюций; в начале, пока все это было внове и пока массы еще сдерживались старыми привычками и врожденной боязнью власти, наши милые эсеры имели большой успех; теперь же их песенка спета; их время ушло; их средства потеряли всю силу, и выпущенные из за решеток революционные звери их неукоснительно скушают.

Все это неизбежно и крайне печально; руководители старого комитета Ходоров и Виленкин очень умные, очень нешаблонные люди, и в пределах им доступного много сделали хорошего и немало задержали разложение армии; но у них не хватило размаха зорко разобратся в грядущем и во время настоять, не боясь никаких попреков, перед старшим командованием и самим Керенским о принятии самых исключительных мер, способных остановить начавшееся с марта

разложение армии. В этом отношении они оказались людьми слишком мелкого калибра и слишком недостаточного дерзания; они плыли по течению, пока оно было для них благоприятно; ловко спаслись от многих подводных камней, но прозевали, когда течение примчало их к водопаду, которому видимо суждено их поглотить. У них, скованных партийными наглазниками не хватило мужества во время потребовать (и настоять на своем требовании) восстановления дисциплины, понимая, что это еще очень далеко от реакции; они не сумели прозреть необходимость добиться уменьшения состава армии и очистки ее от шкурного и опасного для порядка и духа войск элемента; у них не нашлось прозорливости понять всю гибельность и безнадежность июльского наступления и, не боясь никаких упреков, властно потребовать его отмены.

Близость V армии к Петрограду придавала деятельности нашего армейского комитета исключительно важное значение; в тле комитет сыграл огромную роль в деле ликвидации первого большевистского выступления и создал такую обстановку, которая давала все возможности подобрать упущенные в марте государственный вожди, все сорвала никчемность и актерская ходульность товарища Керенского, у комитета же не хватило размаха подняться до высоты

положения и, презрев все упреки в реакционности, настоять тогда на осуществлении тех мер, который так властно требовались обстановкой.

Но во всяком случае нам строевым начальникам было возможно работать при этом комитете, который очень тактично не вмешивался не в свои дела и во многом нам помогал; стоявшие во главе его эсеры очень скоро свернули в разумную правую сторону и охотно шли на то, от чего шарахалось в сторону даже Царское правительство.

22 Октября

По газетам и по сведениям, полученным комитетами из Петрограда, там совсем плохо; большевики, при поддержке солдат дезертиров, заполонивших в последнее время обе столицы (в Петрограде их свыше 200 тысяч), матросов и распропагандированных частей местного гарнизона, собрали все свои силы и на днях должно последовать какое то решительное с их стороны выступление. Правительство совершенно растерялось, мечется в уговорах и компромиссах, видимо, не понимая, что сейчас идет последняя ставка на существование какого-нибудь порядка и сейчас уже глупо и преступно деликатничать и разбираться в средствах; пора забыть про разные

якобы демократические и quasi революционные пустобрехи, на которые большевики весьма плюют; демократия не есть анархия. Слепота, легкомыслие Керенского спасли большевиков от июльского разгрома; теперь они оправились и открыто лезут на Правительство, чтобы его свалить, а сие последнее рассыпает цветы демократического красноречия и что-то мелет, вместо того, чтобы или пустить в ход, пока еще не совсем поздно, каленое железо и раз навсегда выжечь грозную и отнюдь не демократическую язву, или же сознать свое бессилие и самому убраться от власти, ведь, всё повадки большевиков ясно показывают, что они церемониться не будут, и будут действовать так, как то следует при столь ожесточенной и непримиримой войне. Неужели не ясно, что никаких соглашений быть не может, что уговоры бессильны и что каждая потерянная минута увеличивает силы врага. Быть может, уже поздно, но попытаться надо; несомненно, что сейчас положение Правительства бесконечно хуже и слабее, чем то было во времена июльского выступления большевиков; армии ушли из рук правительства и находятся под властью большевистских главарей и под чадом большевистских обещаний: находящиеся в Петрограде части исполитиканствовались, разложились и перестали быть той осью, на

которой три месяца тому назад можно было вывернуть наизнанку весь Петроград, дезинфицировать его от всех антигосударственных и наемных немецких элементов и сделаться настоящим, а не бумажным и словоизвергательным правительством. Вместо дела и энергии была фраза и дряблость; хотели всем нравиться и всем потрафить и очутились у разбитого корыта; растеряли и влияние, и авторитет, обмякли и мечутся, как крысы на тонущем корабле.

Но рисковать надо, ибо иного исхода нет, и рисковать во всю, не останавливаясь ни перед чем — победитель в такой обстановке всегда бывает прав. Но двуликий, длинноязычный и убожески нежизненный Керенский, — судя по тому, что известно в армейском комитете, — мечется во все стороны и делает только то, на что способен, то есть болтает, сыпет красивые слова, актерствует, хочет и демократически революционную невинность соблюсти, и правительственную власть — капитал сохранить; он работает языком и уже совершенно выдохшимися уговорами там, где только дерзость, решительность, жестокость могут спасти положение; он пытается входить в компромиссы с теми, которые ни на какие компромиссы не способны.

Русское кривое зеркало, выставило на историческую сцену времен революции так

называемого диктатора, у которого, вместо диктаторских качеств, хватки и истерия Душки адвоката из знаменитостей сенсационных процессов политического или амурного свойства, а вместо диктаторских громов — пустопорожние словоизвержения.

Время слов в ожесточенной борьбе за власть уже кончилось; медовый месяц революции прошел; облетели цветы, догорели огни... начинается грозная борьба масс, поднятых на дрожжах самых звериных инстинктов, и тут резолюции, голосования и увещевания уходят в невозвратное прошлое. Мы это ярко видим на том, что творится сейчас у нас на фронте, в подчиненных нам частях, а ведь армия сейчас является зеркалом, в котором отражается настроение всей страны.

Власть есть действие, а не разговоры; чаще принуждение, чем приятность. Хорош диктатор, у которого все время уходит на речи и выступления! Где же тут заниматься настоящей творческой работой. При истрепанных постоянной политической борьбой Червах, при переутомленном словесными турнирами мозге невозможны спокойная логика, уравновешенный здравый смысл, продуманность и систематичность решений и поступков; все рождается в атмосфере нездорового возбуждения; многое делается под гипнозом взвинченных и разболтанных нервов, утомленных

мозгов, оваций толпы, острого желания сломить сопротивление и покорить себе массы, все равно какой ценой. Ясно, что при такой обстановке неизбежны решения и поступки большие, абсурдные, нелогичные, бессвязные, нелепые, болтающиеся, довлеющие минутному на строение масс... Разве настоящая государственная работа может вестись таким образом и в такие грозные времена; разве так должно идти государственное, на новых началах строительство. Даже в Думе было бесконечно лучше, ибо там параллельно с ораторством в общих заседаниях работали. и часто работали весьма дельно и продуктивно многочисленной комиссии. Сейчас же вся работа уходит на митингования; все стараются кого то уговаривать, кого то перетаскивать на свой меридиан; работа идет без всякого плана и без системы, по результатам случайных голосований, изменчивых, как цвета хамелеона. Деятельность большевиков обещает, что, когда они дорвутся до власти, то заведут иные порядки; их наиболее откровенные главаря, типа товарища Федотова, прямо заявляют, что ни с нами, ни с мартовскими и прочими мягкотелыми революционерами они церемониться не будут.

Только сегодня появились первые признаки, что наши верхи поняли невозможность сохранить армию в ее теперешнем положении и что

необходимо перейти на добровольческие ударные части. К несчастью, все это уже поздно и то, что 1–2 месяца тому назад дало бы прекрасные результаты, сейчас уже фактически неосуществимо и даже не будет допущено к исполнению. Разложение перебросилось уже на артиллерию, затронуло конницу и специальные команды; авторитет начальства, который все, начиная с правительства, распинали и топтали в грязь, убит до полной невозможности его восстановить; последние крепни войскового порядка, — солдаты старых сроков службы, — уволены домой и вернуть их назад уже немыслимо; наконец, много охулиганивших и наиболее опасных на фронте товарищей, хвативших всей сладости службы на современном фронте, не захочет идти в деревню для того, чтобы там работать; большевистские же комитеты не допустят образования добровольческих частей, так как в этом их смерть.

Наша судьба — во всем запаздывать. Запоздали мы и в образовании разумно построенных и разумно руководимых крестьянских организаций в стране и в армии. Уверяют, что Керенский и Советы были главными врагами настоящих крестьянских организаций и создали их подделку, в которой не было крестьян, а заседали и верховодили такие же далекие от жизни народа мозговики-интеллигенты, как и везде. Мои личные

попытки сорганизовать у себя в корпусе настоящих кондовых крестьян разбились сначала о глухое, а потом уже о сердитое противодействие армейского комитета; когда я спросил Виленкина о причинах, то он, несколько замявшись, ответил, что, вообще, комитеты опасаются возможности реакционного влияния на крестьян наших генералов.

23 Октября

Судя по пришедшим сегодня из Петрограда газетам, положение там с каждым часом становится все хуже и хуже; растерявшаяся, многоглаголивая, пустопорожняя по содержанию и импотентная власть беспомощно несется, куда тащат ее события, и испуганно тарашит свои демократические глазки на действительные и фальшивые подводные камни, которые ободрали с нее весь ее авторитет.

В Правительстве, произошел какой то крупный скандал с революционным военным министром Верховским, который уволен в отпуск; если верить помещенному в газетах разоблачению Бурцева, то Верховский в закрытом заседании Совета Министров предложил заключить мир с Германией. Правительство и сам Верховский отрицают, но неожиданный и скоропалительный отъезд Верховского показывает, что произошло что-то экстраординарное. С точки зрения верности

слову предложение, конечно, коварное, ну а с точки зрения эгоистических интересов России быть может единственное, дающее надежду на спасительный исход; для масс мир это козырный туз, и его хотят взять себе большевики, и возьмут, как только станут у власти.

По сообщению армейского комитета настроение большевиков боевое и решительное; они чувствуют, что массы на их стороне, и открыто подняли голову и поставили свои лозунги. Комитет отправил часть своих членов в Петроград, видимо для подкрепления потерявшегося Правительства, но все это запоздало, ибо сам комитета уже кончен и все армейские массы против него. По-видимому, даже иностранные послы наконец то расчухали, что грядет что то очень грозное и чреватое самыми неприятными последствиями, и начали беспокоиться.

Не поздно ли спохватились, Ваши экселленции? Сколько денег вы тратили на разные миссии и разведки, и все же не сумели разобраться в течение целых шести месяцев, что такое русская революция, что такое наше Правительство, что такое делается на Фронте и стране и какими результатами все это вам грозить.

У вас не хватило разума, предвидения и совести, чтобы во время побеспокоиться о нас и нам помочь. Вы слишком уже привыкли полагаться

на толстую шкуру северного медведя и на то, что она все выдержит и выполнить все то, что нужно для ваших интересов. Вы привыкли к тому, что наша армия всегда самым решительным броском отвечала на ваши просьбы о помощи. И, однако, вы прозевали, что всего этого уже не будет. Наступила пора, когда вам надо думать уже о собственной безопасности.

С нашего фронта немцы убирают одну часть за другой и, судя по данным разведки, отправляют их на Итальянский фронт; там, где стояли прежде дивизии, остались только полки; из тяжелых батарей осталась только самая заваль, да и то в очень ограниченном размере. Эх, если бы теперь иметь две хороших пехотных дивизии и хорошую конницу, то можно было бы учинить немцам катастрофический разгром.

Смешно читать груды воззваний, которыми все политические партии засыпают население и армии; бумажными пальцами уже не остановить той лавины, которая над нами висит. Большевистская агитация уже использует уход Верховского, разжигая солдат указанием на то, что вот де появился военный министр, который понял, что воевать не надо, и собрался дать им мир, а буржуи и генералы немедленно его ликвидировали, так как он был помехой удовлетворению их империалистических вожделений и желаний

пролить побольше солдатской крови. И эта версия принята в частях очень сочувственно, ибо толпа верит всему, что отвечает ее настроению и ее желаниям.

Сегодняшний день принес нам новый состав армейского комитета с полным преобладанием в нем большевиков; в президиум попала большевистская пара главных вожakov 19 корпуса доктор Склянский (еврей) и Штабс-капитан Седякин (из бывших мордобоев, сделавшийся в марте ярым революционером, а затем перекинувшийся в большевика).

Воображаю, что теперь начнется и какие жирные обещания посыпятся в темные солдатские массы; но зато будет интересно, когда сила обстоятельств заставит большевистский комитет прибегнуть к мерам физического воздействия, чтобы заставить эти толпы делать то, что тем не нравится. Пока все данные за то, что большевики не постесняются снять белые демократические перчатки и пустить в ход самые реакционные приемы, когда то им понадобится.

Таким образом сегодня кончился эсеровский период комитетского управления 5 армией и начался новый большевистский, несущий в себе массу неожиданностей. Правительство и вся партия эсеров жестоко поплатятся за то, что отдали во власть большевизма наиболее важную по своей

близости к Петрограду армию.

24 Октября

В Иваново-Вознесенском районе рабочие захватили фабрики и выгнали вон владельцев; почти то же самое произошло и в Донецком угольном районе. Некоторые железные дороги близки к полной остановке вследствие истощения запасов угля и массового заболевания паровозов. Показываются первые крупные ягоды — наследие революционной весны и демократического цветения. Неужели и теперь союзники не разберут, чем все это пахнет, и будут оставаться в прежнем созерцательном атитюде.

На фронте мертвое затишье; перестрелка почти совсем прекратилась; замолкла и наша артиллерия, боясь репрессий и насилия со стороны пехотных товарищей; даже ночное освещение ракетками немецкого фронта почти прекратилось очевидно, немцы получили достаточный гарантии того, что им нечего опасаться. Я уверен, однако что немцы только ждут окончательных результатов сделанной нам большевистской прививки и, когда мы уже совсем развалимся, то они толкнуть нас и добьют без каких либо особых расходов и затруднений.

В Двинске определенно говорят, что на

участков 19 корпуса есть кабель, соединяющий штаб стоящей против нас немецкой армии с каким то местечком в тылу где сидит штаб большевистской организации и руководит по указке немцев всей пораженческой пропагандой и разложением. Братание идет по всему фронту; под прикрытием братания немцы увозят отсюда все лучшие батареи и снимают отдохнувшие части, отправляя их на французский и итальянский фронты.

Настроение отчаянное; ночи не сплю напролет, пытаюсь изыскать какие либо способы справиться с развалом корпуса; внутри едят какие то грызущие боли; временами совершенно слепну, особенно когда начинаются огненные боли в контуженной части головы. В Петрограде происходит что-то совсем неладное; новые большевистские комитеты все время секретно собираются и что-то готовят.

25 Октября

Главковерх подарил нас новым законом, от своевременности которого у всех глаза на лоб полезли; я по прочтении сообщавшей его телеграммы уперся лбом в стекло и довольно долго рычал и мычал по звериному единственный исход для поднявшегося чувства изумления перед

невероятной глупостью отдаваемого распоряжения. Закон этот восстанавливает условную дисциплинарную власть начальников (это тогда, когда от всякой нашей власти даже и фигового листа не осталось). Устанавливается, что, если дисциплинарный суд в течение 48 часов не накладывает на виновных взыскания или войсковая часть совершенно не желает выбирать у себя состава дисциплинарная суда, то вся дисциплинарная власть переходит целиком в руки соответствующих начальников.

Такие приказы могут писать при настоящей обстановке или сумасшедшие, или квалифицированные, как говорили у нас в артиллерийском училище, концентрированные идиоты.

Ведь, не может же товарищ Керенский не знать, что делается на фронте, в каком состоянии войска и что такое ныне вообще власть начальника. Никакие силы, а не то, что жалкие бумажные приказы, не могут уже восстановить умершую власть начальников, а тем более власть дисциплинарную, наиболее ненавистную для масс, которую раньше и основательнее всего постарались с корнем уничтожить те, кому нужно было развалить русскую военную силу. Ведь, в самой сущности приказа кроется самый идиотский абсурд: часть не хочет выбирать состава

дисциплинарного суда, то есть определенно нарушает закон и проявляет нежелание слушаться приказов начальства. Положение власти при этом такое, что заставить подчиниться и исполнить приказ у ней нет ни средств, ни способов. Тогда прячут голову под крыло, изображают, что ничего не видят и что ничего не произошло, и пробуют пугнуть непокорных, но ничего уже не пугающихся товарищей тем, что неуютное им средство принуждения будет передано опять в руки ненавистного им начальства.

Спрашивается, какими же способами и при помощи каких средств это несчастное, ободранное как липка и неизвестно для чего еще существующее начальство сможет осуществить предоставляемое ему право, то есть сделать то, чего не в состоянии выполнить ни сам Главковерх, ни самые архиреволюционные армискомы, исполкомы, совдепы, цики и комиссары всех рангов и оттенков, и отдельно взятые, и всем своим скопом.

Не хочется думать, что все это чья то скверная провокация, имеющая своей целью родить еще один повод для поднятия новой острой и злобной войны солдатской ненависти против несчастного строевого начальства, показав темным и чрезвычайно подозрительным массам, что это самое столь ненавистное им начальство измышляет всякие способы и пускается на разные подвохи,

чтобы опять захватить в свои руки дисциплинарную власть, вернуть свои кровопийные привилегии и разрушить «все завоевания революции».

Подобные меры напоминают мне ошалелое завертывание в мертвую всех тормозов в то время, когда слетевший уже с рельс поезд летит кувырком с высокой насыпи; польза от них такая же.

Далее этим приказом все части, не исполняющие приказов начальства, объявляются штрафными, переводятся на старые оклады жалованья и на арестантское довольствие и т. п.

Кто же теперь в состоянии все это осуществить? Ведь сейчас 90 % всех частей уже давно заслужили такой перевод. Неужели же товарищ Главковерх и его борзописцы думают, что весь фронт состоит из потомков Гоголевских унтер-офицерш, жаждущих заняться самосечением, или что на свете существуют такие лошади, которые сами бы себя запрягали.

Читая такие приказы, вспоминается чья-то думская фраза: «что это глупость или измена?», ведь все это в руку большевикам, ибо ярко к выпукло показывает товарищам, что верхи наконец то спохватились и пытаются вместо революционных пустобрехов применить более реальные методы восстановления порядка и души всякой армии — дисциплины. В ответь на эти

запоздалые меры товарищи пропоят: «нет этот номер не пройдет и шутки все мы ваши понимаем». Пользы не может быть никакой, но за то злобы, подозрительности и принятия мер для предотвращения самой возможности таких неприятностей прольется целое море.

Скверные пришли газеты, а еще более скверные слухи ползут к нам и по телефону, и по радио из Двинска; сообщают, что на улицах Петрограда идет резня, к что часть Правительства захвачена восставшими большевиками. Новый армейский комитет, состоящий преимущественно из большевиков насторожился, засел в своем помещении, окруженный со всех сторон часовыми. Пока все слухи и сплетни, а, что делается на самом деле, никто не знает, что еще более увеличивает напряженность положения. Настроение в частях приподнято-настороженное; я очень опасуюсь большевистского взрыва в 120 дивизии.

Послал в штаб армии и армейскому комиссару телеграммы с просьбой ориентировать нас в происходящем так как иначе части обвиняют нас, что мы знаем, что делается, и умышленно, в своих интересах скрываем; нельзя нас держать в потемках; лучший способ бороться с ползучими сплетнями и слухами говорить правду.

Несомненно, что развязка приближается, и в исходе ее не может быть сомнений; на нашем

фронте нет уже ни одной части (кроме двух-трех ударных батальонов, да разве еще Уральских казаков), которая не была бы во власти большевиков.

Заброшенная немцами петля затягивается все сильнее и сильнее. Но что же грядет в будущем? ведь по тому, что мы видим сейчас в поведении большевистских вожаков, России суждено обратиться в звериное царство и быть таковым, пока кулаки испуганных союзников не водворят в ней порядка; ведь, эти все разжижающие и уничтожающие лозунги являются полным отрицанием какой-нибудь государственности. Ну, а что будет, если съедающая нас гангрена перекинется и на союзников?

В 9 часов вечера прямо во все части передана телеграмма нового председателя армейского комитета, что сегодня вся власть перешла в руки советов; призывают войска оставаться спокойными и держать твердо порученные им боевые участки. Начало, как будто даже и совсем приличное, но так бывает всегда при всех переворотах — ягодки вылезают потом, по надежном закреплении.

Через два часа пришла телеграмма старого армейского комиссара поручика Долгополова, что сведения армейского комитета преувеличены и что вопрос о передаче власти еще решается. Обычная картина нашего безвременья: две враждебный

инстанции бросают в настороженные массы неясные и возбуждающие сведения, а всю белиберду, которая из этого получается, приходится расхлебывать нам, которые ближе к войскам и на которых все косится и рычит. По соглашению с соседними корпусами приказал для выручки несчастного строевого начальства, чтобы на всех телеграфных, и телефонных станциях установили дежурство членов соответствующих комитетов дабы большевистские агитаторы не могли натравить товарищей на свое начальство под предлогом, что последнее что-то скрывает и что-то затевает; приказал начальникам дивизий направить сугубое внимание на свои боевые и войсковые обязанности, а всю политику во всем передать установленным на сие лицам и учреждениям — пусть в ней барахтаются.

26 Октября

Рано утром вызван в Двинск на совещание к командующему армией. Болдырев предполагал ехать в Псков по поводу уменьшения численности армии, но обстановка создалась такая, что оказалось не до отъезда. Из сведений, полученных штабом армии и армейским комиссаром, ясно, что вчера вся власть над Петроградом перешла в руки большевиков и досталась им, по-видимому, даже

легче, чем то было в мартовской революции. Все произошло в тепло-холодных тонах, без всякого энтузиазма; победили те, которые напали первыми и которые были более резки и решительны. Керенский и Правительство, как всегда, опоздали; это обычный недостаток людей слова, а не дела; пока они выбирали лучшие способы решения, прикидывали, анализировали и спорили, волна событий их нагнала, покрыла и опрокинула и их, и все их решения. Ведь, если бы во время июльского выступления большевиков правительство приняло решительные и суровые меры, властно требуемые обстановкой, то мы не переживали бы ни августовских потрясений, ни сегодняшних событий.

Определенно известно, что правительство разогнано и что Керенский удрал из Петрограда в Псковском направлении (вчера он еще патетически взвизгивал, что «умрет на своем посту»); власть перешла в руки советов, из которых вышли все эсеры и часть меньшевиков. Больших беспорядков в Петрограде, по сообщениям по прямому проводу, — нет, население относится к борьбе довольно безучастно и вся борьба идет между малочисленными военными частями правительства и обольшевиченным совершенно гарнизоном; такова общая характеристика положения в Петрограде, сообщенная находящимися там членами нашего старого армейского комитета.

Телеграф и радио работают во всю; получается невероятная мешанина в пережку получают приказы Керенского и разогнанного правительства, перебиваемые распоряжениями новой власти, установленной большевиками, военно-революционных комитетов армейских, корпусных, дивизионных и полковых. По телеграфу всюду назначены, и вступили в должности новые комиссары, а старых приказано немедленно отстранить; строевых начальников пока не трогают.

У Болдырева встретил только что приехавшего в Двинск нового комиссара Временного Правительства «товарища» Пирогова; сей муж только что узнал о разгоне аккредитовавшего его правительства и имел вид достаточно перепуганный и мало внушительный; временами можно было подумать, что у товарища комиссара начинается паралич зада. Новый армиском ведет себя пока очень сдержанно; он даже согласился на настояние меньшинства выкинуть из телеграммы Петроградского Совета слова «всех офицеров, не присоединившихся к революции, арестовать и смотреть на них как на врагов». Несомненно, что только попади эти слова в переданную во все части телеграмму, то это разразилось бы массовым избиением неугодных товарищам офицеров.

Болдырев в нерешительности и, как мне сам

сказал, «боится остаться между двумя стульями»; при его осторожности надо было быть очень взволнованным, чтобы так разоткровенничаться. Я ему ответил, что, если не пускаться в политику, то нам егозить нечего, ибо стул у нас один — это наша ответственность за удержание своих боевых участков; с этого поста мы уйти не можем, а борьба партий, в которой нам нет и не может быть доли, не наше дело; сейчас мы только профессионалы, охраняющие остатки плотины, прорыв которой немцами может погубить Россию.

Есть, конечно, другой исход: ударными частями арестовать армиском и вмешаться в борьбу за власть; но при данной обстановке это бессмысленно по соотношению сил и губительно для интересов фронта, так как немедленно увлечет его в эту борьбу.

Единственный исход в том, что, быть может, миражи мира и беспечального житья, сулимые большевиками, скоро рассеются; тогда наша задача состоит в том, чтобы постараться сохранить, собрать и организовать все благоразумные и все инертно-пассивные элементы для того, чтобы, когда наступит подходящее время, начать борьбу с известным шансом на успех. Сейчас же мы обязаны твердо и определенно стать на боевую точку и потребовать от всех политических организаций, каковы бы они ни были, самой энергичной

поддержки порядка и боевой способности наших частей, то есть того, за что мы отвечаем; советы же, комитеты и комиссары пусть занимаются политикой и пасут, как умеют, свое бурливое стадо. Сам я мало верю в успех всего этого, но такая линия поведения единственно для нас возможная; наша командирская песня все равно спета и скоро мы перестанем быть даже тем, чем есть теперь, то есть осколками формы без всякого содержания. Сейчас надо быть особенно осторожным, когда выбивающиеся к власти низы несутся бурным потоком, которого нашими бессильными щечками уже не остановить. Я, не стесняясь, высказал Болдыреву, что, будь я на его месте, я бы или пошел на пролом, начав с ареста армискома, или же вызвал к себе большевистский его президиум и, изложив свои обязанности, предъявил им, что они должны сделать для сохранения фронта.

Болдыреву мои слова страшно не понравились; ему несомненно страшно хочется решительным броском разрубить все гордиевы узлы и вылететь сразу на очень большие верхи в качестве хозяина положения. В своих рассуждениях он временами был очень близок к правому берегу и даже вспоминал Бонапарта и церковь св. Роха. Он как то до сих пор не сознает всей серьезности происходящего; он до сих пор еще носится с своим

проектом оздоровления армии репрессивными мерами при помощи сохранившихся частей против бунтующих и неповинующихся. Но сейчас это невероятный абсурд, ибо ко власти уже подобрались большевики, а затем бунтующих тысячи, а сохранившихся ничтожные единицы, да и последние не согласны на экзекуции, не желая подвергаться упрекам за мучительство своих же в угоду начальству.

Я высказал Болдыреву, что со времен Бонапарта и с того дня, как картечь изувечила порталы церкви св. Роха прошли года такого размаха и таких последствий, что старые способы и нормы отошли в прошлое и теперь не применимы. Время применения к распущенным массам силы давно уже утеряно; гангрена расплзлась не только по армии, но и по всей стране, захватила жизненный глубины народного существования и его больной души. Ведь, все мы остро чувствуем, что столь заботящий нас Фронт держится еще только каким то чудом и что еще несколько ядовитых впрыскиваний и все эти массы неудержимо хлынут на восток, сметая все на своем пути.

В моем корпусе сейчас положительно уже невозможно применение какой либо силы или принуждения; мы, благодаря безумным распоряжениям наших верхов, все растеряли, а

массы за это время организовались (дико, своеобразно, но все же организовались), почувствовали, что сила на их стороне, что грозное когда то начальство- бессильное чучело, и напрактиковались не только в том, чтобы плевать на все его распоряжения, но и рвать его в клочья, разбивать ему головы и избавляться от него всякими мясницкими способами.

Вернувшись в штаб корпуса, застал там нового корпусного комиссара, назначенного большевистским комитетом; этим комиссаром оказался председатель дивизионного комитета 180 дивизии солдат Зайчук, именующей себя коммунистом-интернационалистом, а в действительности представляющей из себя довольно безобидного пустобреха; я его не видел с июля, когда 180 дивизия вышла из моего корпуса, и за это время он перегорел, многому научился и стал понимать абсурдность многих, которым раньше верил.

Я ему заявил, что не принимаю на себя никаких политических обязанностей по жизни своего корпуса, но требую от него, как от комиссара, самой энергичной помощи по поддержанию в корпусе боевого порядка, по несению боевой службы и по устранению из обихода частей всего того, что могло бы отразиться на исполнении корпусом поставленной ему боевой

задачи.

По телефону сообщили, что наши большевистские премьеры за свое усердие получили назначения: доктор Склянский в революционный петроградский штаб, а Позерн главным комиссаром в Псков; всюду разослан приказ об аресте Керенского. Пришлось в спешном порядке спасти начальника 70 дивизии; он своим сухим педантизмом настроил против себя все части дивизии, но пока она держалась все обходилось; теперь, при галопирующем развале, его положение сделалось отчаянным. Вчера в совершенно обольшевиченном Переяславском полку состоялся митинг, на котором было решено убить начальника дивизии, заставив его предварительно выкопать себе могилу на высоте 72 (в расположении полка); полк сегодня двинулся к штабу дивизии для исполнения этого постановления, и только благодаря находчивости председателя дивизионного комитета удалось через сад увести Беляева, отправить в Двинск и вывезти его оттуда на первом поезде.

На фронте происходят невероятные безобразия: Переяславцы, которые, на радостях победы большевиков, согласились, было, сменить стоявший на позиции Рязский полк, ушли совсем с своего участка и на смену не пошли; тогда Рязцы бросили свой боевой участок и сами ушли в резерв;

всю ночь целый полковой участок занимался одной ротой Сурского полка и оставшимися офицерами, но без всяких средств связи, снятых ушедшими с позиций телефонистами. Вообще, при общем развале Сурский полк ведет себя отлично; много значит отличный подбор ротных и батальонных командиров, которые везде и всегда подают пример добросовестности исполнения своих обязанностей. За то Переяславцы побивают все рекорды разложения; председатель дивизионного комитета 70 дивизии пытался вчера говорить с этим полком; пока он нес им обычную митинговую вермишель, то его восторженно приветствовали («как будто бы им золото на грудки клали»), по образному выражению присутствовавшего на митинге члена корпусного комитета). Но как только оратор начал говорить о том, что надо идти на смену полков 18 дивизии и стать на защиту своего боевого участка, то его речь была покрыта криками «долой» и матерщиной, а потом страсти так разгорелись, что оратора еле спасли от смерти.

Сейчас все части во власти пришедших из запасных полков пополнений. Как будто нарочно, держали в тылу орды самой отборной хулиганщины, распустили их морально и служебно до последних пределов, научили их не исполнять никакие приказания, грабить, насиловать и убивать неудобное им начальство, а потом этой гнусной

гнилью залили наши слабые кадры. Когда эти орды сделались невыносимыми для тех городов, в которых они стояли, то были посланы особые партии уговаривателей-ораторов, с такими гастролерами как Лебедев, Чхеидзе и др., дабы убедить запасные полки отправиться на фронт; некоторые города заплатили огромный деньги товарищам, за то, что те согласились сесть в вагоны и уехать.

Неужели Керенский не понимал, что он делал, выбрасывая эти разнузданные банды на фронт, где они сделались грозой для мирного населения и гибелью для последних остатков надежды восстановить на Руси закон, порядок и государственность.

Все звериное, так роскошно взращенное русской жизнью и ничем не сдерживаемое, вылезло наружу и рвет на куски все чужое и все жирное и вкусное. Ведь уже и теперь кое-где превзойдены ужасы Журдана и Авиньонской бани; что же будешь дальше, когда эти начинающее гастролеры сделаются настоящими мастерами в деле истребления людей.

Невероятно тяжело и трагично сейчас положение начальников и офицеров-мучеников, расплачивающихся за чужие грехи и находящихся а la mercé любой кучки хулиганов; жизнь и честь этих стратотерпцев отданы на поток толпе.

Во всех частях великое ликование по поводу свержения Керенского (как недолговечна слава всех революционных кумиров!) и перехода власти к советам. Но несмотря на всю большевистскую обработку, большинство солдат против того, чтобы власть была большевистская, а стоять только за то, чтобы власть была отдана Центральному исполнительному Комитету Совета С. и Р. Депутатов.

Появление во главе нового правительства товарища Ленина ошарашило большинство инертных солдат; эта фигура настолько одиозна своим германским штемпелем, что даже большевистская агитация оказалась бессильной заставить с ней помириться. В нашем корпусном комитете лидер наших большевиков ветеринарный фельдшер взволнованно заявил начальнику штаба: «да неужели же Ленин? да разве это возможно? да что же тогда будет?» Истинное чувство пробилось в этих словах через корку разных насвистанных с чужого голоса пустобрехов.

Это назначение так повлияло на корпусный комитет, что он большинством 12 против 9 уклонился от того, чтобы обсуждать резолюцию, сочувственную Петроградским Советам.

27 Октября

Идет полная каша и самый пестрый дивертисмент из самых разноцветных распоряжений; проволочный телеграф работает беспартийно, передавая распоряжения обеих правительств и их органов; зато радио в руках большевиков. Ночью получили телеграммы из Ставки, от юго-западного фронта и из 2 армии, что большевики преступные авантюристы и что их нельзя допускать к власти. Все взывают, негодуют, но силы нет ни у кого, а большевики пока что действуют; они разъяснили солдатам, что вышеуказанные телеграммы это личные взгляды комиссаров прежнего правительства и, конечно, мнений и взглядов солдат не выражают.

Получили из Ставки воззвание правой части Цика Совета С. и Р. Депутатов и от исполнительных комитетов парии эсеров, меньшевиков, народных социалистов и военной секции. Все эти голубчики прозевали власть, а теперь пытаются спасти положение резолюциями и воззваниями; да разве эти средства действенны ныне для воздействия на те темные и разнузданные массы, которые называются русской армией.

День прошел в общем спокойно; настроение в частях выжидательное, все ждут, как разовьются в дальнейшем события. В эти дни ясно видно, что,

если бы не дряблость и никчемность правительства душки Керенского со всеми его зигзагами, то, несмотря на все исключительные условия обстановки, можно было бы не допустить большевиков сделаться повелителями армии. Как ни заманчивы и хлестки большевистские лозунги, все же нужно было много ошибок и непоправимых глупостей для того, чтобы так ухудшит положение и заставить забыть все то негодование и искреннее презрение, которое еще летом окружало имена пассажиров запломбированных вагонов, присланных разлагать и добывать Россию.

Какая разительная перемена произошла в настроении армии за последние три месяца; с каким энтузиазмом отозвалась 5 армия на призыв против большевиков в начале июля, а сейчас она оплот большевизма. У Керенского и Ко. не хватило мозгов сообразить, какое огромное значение имеет 5 армия по отношению к Петрограду и всему там происходящему; у них были когда то и время, и способы незаметно очистить 5 и 12 армии от ненадежных частей и подобрать сюда такой состав, который обеспечил бы им непоколебимую и непререкаемую власть над Петроградом и над страной. Владея настоящей властью можно было спокойно осуществить все дальнейшие Реформы. Но для всего этого надо было быть людьми дела и сильного характера, большой действенности, а не

рабами фразы и жрецами митинговых успехов; надо было Думать широко о будущем и трезво подсчитывать все pro и contra, а не изнемогать и задыхаться в атмосфере политической борьбы, интриг, компромиссов, торговли разными уступками и вечного болтыханья между необходимостью применения власти и боязнью потерять свой демократический авторитет и затронуть «приобретения революции». С таким здравомыслящим армейским комитетом, каким был наш Первого состава, можно было сделать очень и очень много.

В 70-й дивизии очень беспокойно. Поручик Шлезингер и унтер-офицер Хованский, много поработавшие над развалом 277 полка, с воцарением большевиков потеряли сразу весь свой авторитет и престиж и ночью были принуждены бежать из расположения полка, спасая свою жизнь от неминуемой расправы; такова судьба всех подобных демагогов, случайно выскакивающих во временные повелители толпы на подыгрывании ее животным интересам; недавний кумир полка Хованский был спасен членами большевистского комитета в то время, когда его, совершенно избитого, тащили, чтобы утопить в соседнем озере.

Старый солдат Комяков, член нашего корпусного комитета, очень образно обрисовал наше положение следующими словами: «совсем

плохо Ваше Превосходительство; какие не плохонькие были на нас обручики, но все же держались; а теперь все посбили так что и клепка рассыпалась и вода разбежалась; боюсь, что теперь и не собрать...»

На вчерашнем митинге 277 полка было сделано предложение убить и меня — это желание новых вожаков полка, которые очень боятся моего влияния на оставшихся в полку старых солдат; но предложение не прошло, так как старики так окрысились, что авторы предложения поспешили перейти на другие темы; главным козырем моих защитников была моя заботливость о солдатах и те знаменитые валенки и сухие шинели, которые я подвез полку во время мартовских боев 1916 года и избавил солдат от обмораживания; этот факт уже несколько раз сокрушал все попытки активного против меня выступления.

Кто-то в тылу признал нашу армию ненадежной (по отношению к кому, неизвестно), и благодаря этому остановлены все идущие к нам поезда с довольствием; это совсем скверно, ибо запасов у меня дней на десять, а у соседей только на 4–5 дней; на этой почве может случиться много неприятного, так как при настоящем положении настроение масс зависит очень много от того, дают ли 1,5 или 2 ф. хлеба и в каком размере дают сахар (последний очень высоко котируется в азартной

игре, скупается спекулянтами и вывозится на продажу в голодающий по части сахара тыл).

Из пришедших сегодня газет узнали, что некоторые армии не послали своих представителей на съезд всех советов; все войсковые резолюции последних дней высказываются за передачу власти советам, но считают, что власть должна принадлежать всем советам, а не одним только большевикам.

Штаб армии и штаб фронта молчат как зарезанные. Только вечером передали без комментариев и даже без передаточной подписи телеграмму из Гатчины от Керенского на имя всех частей Петроградского гарнизона о прибытии его в Гатчину с верными правительству войсками и о предложении немедленно отстраниться от кучки изменников, захвативших в свои руки власть. Этим языком надо было говорить три месяца тому назад, когда престиж Керенского был так свеж и силен; сейчас же имя его ненавистно для всех, и правых, и левых, и партийных, и беспартийных. Мы бессильны чем либо ему помочь, ибо распоряжением армискома частям войск запрещено исполнять приказы начальников, если бы таковые попытались снимать с фронта или из резервов какие либо части и отправлять их по направлению к Петрограду; зато в наиболее обольшевиченных частях идут какие-то таинственные приготовления

по сбору наиболее приверженных большевизму команд и вытягивание их в тыл; очевидно, готовится какая-то экспедиция в тыл войскам Керенского. Как бы все было иначе, если бы наша армия не была отдана на съедение большевикам и их пропаганде. Ведь, если бы сейчас можно было бы расправиться с Петроградским осиным гнездом и раз навсегда его отдезинфицировать, то это могло бы стать поворотной точкой для всего положения России. Для того, чтобы расправиться с бандами Петроградского гарнизона больших сил было не надо; это шкурное стадо очень трусливо и, если бы оно увидело настоящую власть, то быстро бы стало лизать у нее руки так же усердно, как до сих пор распинало.

По эсеровскому бюллетеню, выпущенному в Двинске, войска в Петрограде перепились, идет грабеж и резня; по Владивостокским воспоминаниям 1905 года хорошо представляю себе картину того, что происходит сейчас в былом Петербурге.

Несомненно, что там идет еще какая-то борьба; совершенно неизвестно, какими силами располагает Керенский; скверно то, что борьба затянулась; такие нарывы надо кончать сразу, ибо всякая затяжка не в пользу власти, особенно теперь.

Ходят слухи, что Дон поднялся против большевиков и во главе донцов стал Каледин; дай

Бог, чтобы это не оказалось уткой.

Наш новый армиском, уже торжествовавший большевистскую победу, потеряв связь с Петроградом, как то растерялся, лебезит перед эсерами и предлагает им коалицию. Правительственные комиссары повылезли из щелей, подбодрились, пытаются организовать остальные социалистические парии, одним словом, начинают кормить собак, когда давно пора ехать на охоту.

Решение положения теперь под Петроградом, — если Керенскому удастся разгромить тамошний большевистский центр, то и у нас может наступить просвет; но у меня нет надежды на успех Керенского: по его телеграммам видно, что он начал вилять, взывать к благоразумию и т. п.; такими жалкими средствами бунтов не заливают.

28 Октября

Положение продолжает оставаться неясным, борьба за власть и за Петроград продолжается; известно только, что Керенский занял Гатчину, причем защищавшие ее измайловцы и матросы сдались. В Луге собрался какой то Комитет Спасения, который объявил, что принимает на себя всю власть над государством впредь до созыва

Учредительного Собрания.

В Петрограде же свое Правительство с Лениным во главе и с какими-то большевистскими эфиопами на ролях министров. Из Петрограда пришли все газеты за исключением буржуазных; из них видно, что Петроград в руках большевиков, причем положение очевидно так скверно, что даже «Новая Жизнь», этот подлейший и вредоноснейший подголосок большевиков, вдруг поправела и кричит «караул» от того режима, который завернули ее друзья.

После полдня наши радиостанции перехватили радио военнореволюционного комитета Петроградского гарнизона, который просит помощи и нападения с тыла на Керенского, занимающего Гатчину; тон радио очень неуверенный, но получение ее имело здесь очень серьезные последствия; большевики подбодрились и армиском принял сразу твердый тон.

Вечером получили первую за четыре дня телеграмму из Пскова от Главнокомандующего Черемисова, что политика армии не касается.

Новое правительство товарища Ленина разразилось декретом о немедленном мире; к другой обстановке над этим можно было бы только смеяться, но сейчас это гениальный ход для привлечения солдатских масс на свою сторону; я видел это по настроению в нескольких полках,

которые сегодня объехал; телеграмма Ленина о немедленном перемирии на 3 месяца, а затем мире, произвела всюду колоссальное впечатление и вызвала бурную радость. Теперь у нас выбиты последние шансы на спасение фронта. Если бы Керенский лучше знал русский народ, то он обязан был пойти на что угодно, но только во время вырвать из рук большевиков этот решительный козырь в смертельной борьбе за Россию; тут было позволительно, сговорившись предварительно с союзниками, начать тянуть какую-нибудь туманную и вихлявую канитель мирного свойства, а за это время провести самые решительные реформы и прежде всего с доверием опереться на командный состав армии.

Теперь, когда большевики швырнули в солдатские массы эту давно желанную для них подачку, то у нас нет уже никаких средств для борьбы с теми, кто дал ее массам. Что мы можем противопоставит громовому эффекту этого объявления? Напоминания о долге перед родиной, о необходимости продолжать войну и выполнить свои обязательства перед союзниками... Да разве эти понятия действенны хоть сколько-нибудь для современного состава нашей армии; нужно быть безнадежно глухим и слепым, чтобы в это верить. Сейчас это не только пустые, но и ненавистные для масс слова.